
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№6 июнь, 2021

Ежемесячное научное издание

«Редакция Евразийского научного журнала»
Санкт-Петербург 2021

(ISSN) 2410-7255

Евразийский научный журнал
№6 июнь, 2021

Ежемесячное научное издание.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ №ФС77-64058 от 25 декабря 2015 г.

Адрес редакции:
192242, г. Санкт-Петербург, ул. Будапештская, д. 11
E-mail: info@journalPro.ru

Главный редактор Иванова Елена Михайловна

Адрес страницы в сети Интернет: journalPro.ru

Публикуемые статьи рецензируются
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей
Ответственность за достоверность изложенной в статьях информации
несут авторы
Работы публикуются в авторской редакции
При перепечатке ссылка на журнал обязательна

© Авторы статей, 2021
© Редакция Евразийского научного журнала, 2021

Содержание

Содержание	3
Филологические науки	4
TRANSLATION OF REALIAS AS AN OBJECT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION	4
SEMANTIC AND PRAGMATIC ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE ENGLISH LANGUAGE IN A LITERARY TEXT	6
"THE MAN WHO LAUGHS", AN ARTISTIC ANALYSIS OF THE NOVEL BY VICTOR HUGO	9
COMPARATIVE ANALYSIS OF ENGLISH AND UZBEK PHRASEOLOGICAL UNITS DENOTING COLOURS	11
SHET TILINI O'QITISHDA ESHITISH KO'NIKMASINI RIVOJLANTIRUVCHI INTERFAOL USULLARNING AHAMIYATI	13
NEW TRENDS IN FORMATIVE-SUMMATIVE EVALUATIONS FOR ADULT EDUCATION	16
ЛОНДОН КАК ПЕРСОНАЖ (фрагменты) (по повести "London. The Biography of City" П. Акройда)	19
АССОЦИАТИВНО-КОГНИТИВНЫЙ УРОВЕНЬ ЭПИГРАФОВ РОМАНА «PICTURE THIS» ДЖ. ХЕЛЛЕРА	22
ЧТО ТАКОЕ ЭФФЕКТ ЭКФРАСИСА (ПО МОТИВАМ РОМАНА ДЖ. ХЕЛЛЕРА «ВООБРАЗИ СЕБЕ КАРТИНУ» ("PICTURE THIS" BY J. HELLER)	24
THE USE OF ALTERNATIVE METHODS OF ASSESSMENT AS A WAY TO RESOLVE THE CONTRADICTION BETWEEN: THE TRADITIONAL ORIENTATION TOWARDS ASSESSING THE KNOWLEDGE, SKILLS AND ABILITIES AND THE NEED FOR A WIDER PERCEPTION OF LEARNING OUTCOMES AS EDUCATIONAL ACHIEVEMENT	26
Педагогические науки	28
Методика организации полилогического общения на уроке иностранного языка	28
Использование групповых технологий для развития коммуникации на иностранном языке	31
Стилистика, интерпретация и различия в медленных частях первой, девятой и десятой сонат Людвига ван Бетховена	32
ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ (НА ПРИМЕРЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА)	48
Технические науки	51
ДИСЦИПЛИНА ИНФОРМАТИКА В СПО – КАК СТУПЕНЬ К ФОРМИРОВАНИЮ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТА	51
Необходима ли новая (дополнительная) $G\hbar/c$ -физика «снаружи» светового конуса?	53
СИСТЕМА МИРОВЫХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ - ИНТЕГРАЦИЯ РОССИИ	57
Обзор обновления парка локомотивов Октябрьской дирекции тяги	59
Развитие технологий беспилотного наземного транспорта	61
Исторические науки	63
Процесс накопления крестьянских недоимок по налоговым платежам во второй половине XIX – начале XX веков (на примере Михайловского уезда Рязанской губернии)	63
Психологические науки	70
Особенности мотивации сотрудников МЧС России	70

TRANSLATION OF REALIAS AS AN OBJECT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Malika Norboyeva,
Master's degree student
of Samarkand State Institute of Foreign languages

Abstract: This article provides detailed information on realia as an object of translation.

Keywords: reality, translation, target language, source language, language, unfamiliar reality, translator

The oldest and most difficult problem of translation is, of course, in the possibility of adequate transfer of the content of a text from one language to another. When assessing the adequacy of the translation, analysts often allow themselves not to think about whether the conclusions of such an analysis can be recognized as reliable, or about the degree of reliability of the proposed conclusions. The grammatical-translation method of studying foreign languages implicitly inspires us with the idea that in translation, in order for it to become beautiful, everything must be reproduced — words, grammatical constructions, verb tenses, phraseological expressions, and even morphemes. Meanwhile, a careful study of the translated texts shows that the ultimate adequacy, i.e. the adequacy of the translation of the entire text is in excellent agreement with some particular “inaccuracies” in the translation of units of the same text. The very concept of accuracy / inaccuracy of translation in relation to elementary units and to the whole text depends on many factors. One thing is clear: the translator must do everything in his power to “re-express” what the author has expressed.

Translation of realities is part of a large and important problem of transferring national and historical originality, which probably goes back to the very birth of translation theory as an independent discipline. They started talking about realities as indicators of color only in the early 50s. L.N. Sobolev in 1952 uses the term “reality” in its modern sense and even gives it a fairly consistent definition. G.V. also writes about realities. Chernov, who, however, mainly uses the name “non-equivalent vocabulary.” A.E. Suprun considers realities as “exotic” vocabulary, and V. Rossels outlines some of the main features of reality as a translation category. Thus, it is safe to say that this problem has been considered to one degree or another by all translation theorists.

The word “realia” itself comes from the Latin plural neuter adjective *realis*, -e, *realia* — “real”, “real”, which has become a feminine noun under the influence of similar lexical categories. This word denotes a materially existing or existing object, often linking it in meaning with the concept of “life”; for example, “the realities of European life.” According to the dictionary definitions, reality is “any object of material culture,” “in classical grammar, various factors ... such as the state structure of a given country, the history and culture of a given nation, linguistic contacts of speakers of a given language, etc. from the point of view of their reflection in a given language”, “objects of material culture that serve as the basis for the nominative meaning of the word “. Thus, in translation studies, the term “reality” denotes words that name the above-mentioned objects and concepts.

The concept of “translation of realities” is twice conditional: realia, as a rule, is untranslatable (in dictionary order) and, again, as a rule, it is transmitted (in context) not by translation. A.V. Fedorov wrote that “there is no such word that could not be translated into another language, even descriptively, that is. a common combination of words in a given language”. As a rule, translators are faced with two main difficulties in conveying realities: the lack of an equivalent in the target language due to the lack of a real-life referent for the speakers of this language and the need, along with the subject meaning (semantics) of reality, to convey the color (connotation) historical coloring.

When choosing the most suitable translation technique, it is necessary to pay special attention to the place, presentation and comprehension of the unfamiliar reality in the original. The stranger's reality is most often unfamiliar. The author introduces it into the text of a work of fiction when describing a reality that is new for a speaker of a given language, for example, in a novel from the life of such and such a people, in such and such a country, narrating about a life that is alien to the reader in this or that episode. These words, unfamiliar to the reader of the original, require a presentation that would allow them to perceive what is being described, while at the same time feeling that specific "aroma of alienation", a characteristic local or national historical flavor, for the sake of which these foreign elements were included in the text.

Consequently, we can conclude that the most successful one should be considered such an introduction to the text of an unfamiliar reality, which would ensure its completely natural, unconstrained perception by the reader without the use of special means of its comprehension by the author. For the most part, the realities that are familiar to readers do not require explanation either. With even greater reason, regional realities do not require explanation. However, in doubtful situations, the translator must carefully check whether the word in question exists in the target language, whether it corresponds in meaning to the one being translated in the source language and what is its phonetic and graphic appearance in the target language.

Very often, the considerations of the writer and the translator include the expectation of contextual comprehension, the fact that the reader will understand the introduced reality "in meaning". There are also frequent cases of overestimation of the background knowledge of the reader, when the author does not explain the reality, someone else's or his own, but clearly unfamiliar to the reading public. This applies to many historical writers. It is obvious that the reader who encounters an unfamiliar reality in the original is in a somewhat more favorable position compared to the reader of the translation. Some writers expect that the reader will inquire about the meaning of an unfamiliar word in dictionaries, however, according to S. Vlahov and S. Florin, it is unlikely that a reader (not a scientist or researcher) who has taken a book for pleasure will start rummaging through dictionaries. The presentation and interpretation of realities in special dictionaries, commentaries and glossaries at the end of the book, part, chapter significantly complicates the reader, detaching him from the narrative.

As a rule, translation of historical realities is particularly difficult. It should be remembered that historical realities are usually spoken of not as a specific group of vocabulary, but rather taking into account the historical attribution of realities to a particular era, without losing sight of their subject content, which connects them with the corresponding headings of subject classification.

In conclusion, let me quote the well-known translator A.L. Andres: "In the art of translation, as in any other art, there can be no ready-made standards, once and for all definite rules and decisions. There can be no single solution to the question of whether a translator, re-expressing a work that is separated from us by a certain historical distance, should make the modern reader feel this distance and to what extent he should do it".

The list of used literature:

1. Андрес А.Л. Дистанция времени и перевод. / А.Л. Андрес. — МП: № 5, 1966. — С. 128.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. / О.С. Ахманова. — М.: Сов. энциклопедия, 1966. — 524 с.
3. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. 2-е изд., испр. и доп. / Е.В. Бреус. — М.: Изд-во УРАО, 2000. — 208 с.
4. Влахов С. Непереводимое в переводе. / С. Влахов, С. Флорин. — М.: "Международные отношения", 1980. — 343 с.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 18-е. / С.И. Ожегов. — М.: Русский язык, 1986. — С. 786.

SEMANTIC AND PRAGMATIC ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE ENGLISH LANGUAGE IN A LITERARY TEXT

Zubaydullaeva Hilola,
Master's degree student
of Samarkand State Institute of Foreign Languages

Abstract: In this article, the author analyzes the relationship between phraseological semantics and pragmatics. It is suggested that connotation prevails in the semantic structure of phraseological units, and the components of connotation such as emotionality, evaluativeness and expressiveness have a close relationship with each other. The expressiveness of phraseological units is understood as the function of expressiveness, impact. The author defines expressiveness as the main function of connotation, which is inextricably linked with pragmatics.

Keywords: phraseological units, receptor, pragmatics, linguistic means, expressiveness, linguistics

In the works of domestic and foreign researchers, there are two approaches to the interpretation of the concept of 'pragmatic potential'. In a broad sense, it is the pragmatics of a specific text, in a narrow sense, it is the pragmatics of linguistic means, namely the pragmatic potential of certain linguistic units. According to V.N. Komissarov, to create the pragmatic potential of the text, the subject of speech (in other words, the speaker or the source) chooses the content of the message and certain ways of its linguistic expression. "In accordance with its communicative intention, the Source selects for the transmission of information linguistic units that have the necessary meaning, both objective-logical and connotative, and organizes them in the statement in such a way as to establish the necessary semantic connections between them. As a result, the created text acquires a certain pragmatic potential, the ability to produce a certain communicative effect on the Receptor".

As for the pragmatic potential of linguistic means, phraseological units, due to their linguistic specificity and special semantic structure, have significant pragmatic potential, i.e. the ability to have a certain effect on the receptor, (impact) which manifests itself in different ways depending on a number of factors. A similar effect of influence is achieved due to the expressively colored connotation (as an element of connotation), which invariably accompanies the semantics of phraseological units and stable expressions of various types. V.N. Telia notes that "the connotation is always expressive, thus, it [the connotation] is the expression of expressiveness" [6, p. 101].

Connotation can be defined as a semantic essence, a special macrocomponent of the meaning of linguistic units, expressing the emotional-evaluative attitude of the speaker (that is, the subject of speech) to reality, on the basis of which this meaning receives an expressive coloring. According to V.N. Telii, connotation is a product of emotional-evaluative perception and emotive reflection of reality in the nomination process. "The connotation is always evaluative and always emotive, as it contains means for identifying the subject of connotation and the subject of speech (speaker), therefore the connotation is always subjectively oriented" [6, p.34, p.39]. This is the anthropological aspect of connotation. NV Karpovskaya considers phraseological units as "a strategic tool that promotes the implementation of a speech strategy of enhanced impact on communication participants and as a distinctive characteristic of an emotional linguistic personality" [2, p. 1]. Thus, the combination of expressive, evaluative and emotional (emotive) meanings of phraseological units along with their stylistic properties create a certain pragmatic effect. V.N. Telia, for example, has repeatedly emphasized in her works that "... the function of influence, directly and inextricably linked with the pragmatics of speech, is the main function of connotation" [6, p. 21]. Due to the significant place that connotation components occupy in the structure of phraseological semantics, phraseological units have significant pragmatic potential, and also play a large role in the pragmatic content of statements and texts.

Modern pragmatics studies speech within the framework of the general theory of human action. In pragmatics, the text is subjected to automatic analysis, in which factual information, including pragmatic data, is organized in the form of scripts or “frames” that simulate knowledge about typical situations and allow to correctly interpreting the content of the text. Since the pragmatic potential of a text can be achieved not only through linguistic means, but also through, for example, intonation, it can be concluded that any linguistic means can acquire a certain pragmatic potential in the context of the entire utterance. We will be interested in the pragmatics of linguistic means, namely phraseological units.

So, we will consider several speech situations, selected from the works of Somerset Maugham “Lisa from Lambeth” [8] and “Trivia” [9], from the point of view of the use of phraseological units in them, and we will try to analyze their pragmatic potential in a particular situation ... It should be noted that an isolated study of a linguistic unit does not give an idea of the variety of connections that it enters into in the context, about the associations that it can cause in a particular environment, about the additional meaning that it acquires during occasional use.

All this is even more applicable to phraseological units due to the complexity of their semantic structure and the high proportion of connotations in many of them. In addition, phraseological units, being stable and separately formed formations, allow a variety of structure-semantic changes in speech, including the most complex transformations that are not characteristic of other linguistic units. All this makes it extremely important (from the point of view of pragmatics) to study the “behavior” of phraseological units in the context (in a specific situation).

Situation 1:

Somerset Maugham “Liza of Lambeth” Chapter V

“Ave you got whale-bones?” said Tom with affected simplicity, putting his arm round her waist to feel.

“Na, then,” she said, “keep off the grass!”

“Well, I only wanted ter know if you’d got any.” He still kept as he was” [9, p 33].

Thus, the phraseological unit “keep of the grass”, isolated from the context, will be subjected to pragmatic analysis. First you need to find out what definition is assigned to it in the phraseological dictionary. The Comprehensive English-Russian Phraseological Dictionary of A.V. Kunina defines this phraseological unit as follows: Keep off the grass! — forms. Do not walk on lawns! (usually an inscription in parks). — decomp. Don’t be so arrogant! Hands off! Stay away! [4, p. 331].

Thus, due to the use of phraseological units, this statement acquires the following pragmatic meaning:

- indirect meaning — thanks to the allegory in the construction of the statement they gave the whole show away = the letters discovered the secret intimate relations of a Viscountess with the clerk — the letters reveal the secret intimate relations of the viscountess and the clerk (it is not customary to talk about such things openly in society); a hint — the woman probably wants her husband to tell more about the content of letters in society;
- allows to determine the speaker’s attitudes: character traits and views (the phraseological unit used by the subject of speech indicates that a woman knows about the content of personal letters that are stored in her husband’s safe and it costs her nothing to read them); the psychological state of the speaker — irritation, indignation and envy (due to the fact that her husband never wrote such tender letters to her).
- allows to determine the attitude of the subject of speech to what he communicates: the speaker, obviously, attaches great importance to his statement and, bringing into focus the interests of the person in question, tries to draw attention to his person through the use of allegorical phraseological units.

As a result, the following should be noted: considering the pragmatics of linguistic means (the

pragmatic potential of certain linguistic units, in our case phraseological ones), it is impossible not to take into account the pragmatics of the speech situation, within which a particular linguistic unit is considered. As a result of the analysis, we have confirmed that the use of emotionally colored linguistic units in speech, expressed in an expressive form, testifies primarily to the emotional attitude of the speaking subject of speech to the world and allows us to draw a conclusion about the pragmatic competence of the speaker. Through the prism of perception of the subject of speech, it is possible to give a linguo-pragmatic assessment of the addressee, analyze the interaction of the subject of speech and the addressee in the act of communication, and also characterize the situation of communication in general.

THE LIST OF USED LITERATURE:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Советская энциклопедия, 1966.
2. Карповская Н.В. Прагматический потенциал усилительных фразеологических единиц в свете детерминации переводческих решений. Available at: <https://conf.sfu-kras.ru/uploads/Karpovskaya%20N.V..doc>
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990, — 253 с.
4. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. — М.: Русский язык, 1998.
5. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. — Воронеж: Изд-во Воронежского Ун-та, 1979.
6. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. — М.: Наука, 1986.
7. Longman Dictionary of Contemporary English. — London: Pearson Education Limited, 2000.
8. Английский рассказ XX века. / под ред. Самуэльян Н.А. — М.: Менеджер, 2000.
9. Maugham W.S. Liza of Lambeth. — New-York: Penguin Books, 1993.

"THE MAN WHO LAUGHS", AN ARTISTIC ANALYSIS OF THE NOVEL BY VICTOR HUGO

Oripov Shavkat

Master's degree student
of Samarkand State Institute of Foreign Languages, Uzbekistan

Abstract: This article describes the analysis of one of the most famous novels of the 19th century, the work of V.Hugo "The Man Who Laughs." The article describes in detail the meaning of the novel, as well as the characteristics and images of the heroes.

Keywords: novel, V.Hugo, eternal laughter, history of life, human and social issues

One of the most famous novels by Victor Hugo was created in the 1860s and published in April 1869. In it, the French writer raised several important universal and social issues related to the eternal themes of life and death, spiritual love and bodily passion, truth and lies, an insurmountable chasm that exists between the poor, suffering people and the nobility endowed with wealth and power.

The place of action of the novel is England (Portland, the village of Waymet, the town of Melcombe Regis, other small rural cities of the country, London). Time of action — the end of the 17th — the beginning of the 18th century. The chronotope of the novel is determined by the wandering nature of the protagonists — buffoons, giving performances first in a tiny carriage, and then in a huge theater on wheels called the Green Box. The main part of the work takes place in two space-time planes: in the area of the Portland plateau, on the banks of which a ten-year-old ugly boy was left on January 29, 1690, and in London, in the winter-spring of 1705, when twenty-five-year-old Gwynplaine learns the secret of his birth, eternal laughter and meaning life.

All the characters in the novel, both the main ones (the philosopher Ursus who raised Gwynplaine, the blind girl Dey, the half-brother of the "man who laughs" — Lord David Derry-Moir, Duchess Josiana, the former lackey of Jacob II, the ocean bottle opener Barquifedro), and the minor ones (comprachios from the lessons of Matutin, the people watching the performances of the artists from the Green Box, nobility and employees of the House of Lords) are connected with each other through the image of the central character — Gwynplaine / Lord Fermen Clencharly, a peer of England.

"The Man Who Laughs", by his own admission to the English lords, is a terrifying symbol of violence, every second committed by the nobility over the rest of humanity. "I am the people ... I am the reality ... I am the Man. Scary "The Man Who Laughs" — says Gwynplaine about himself. "Laughing at whom? Over you. Above oneself. Above everything".

Gwynplaine's eternal laughter is of a physical nature. The constant irony of Ursus stems from his internal moral attitudes: familiar with numerous philosophical treatises and the realities of the life around him, the hero only does what he grumbles at the world. He "praises" the lords, whose descriptions of the riches of which his cart is filled, and "scolds" the poor children who decided to deprive him of dinner, the children whom he will accept not for one cold winter evening, but for life, becoming their father, teacher and friend until death itself.

Gwynplaine's life story is tragic from start to finish. As the legitimate son of his father, Lord Linnaeus Clencharly, after the death of his parents, he, by order of King James II, is stripped of his title and placed in the hands of the Comprachicos — a community of vagabonds involved in the sale of children previously mutilated for fairground performances. After the ascension to the throne of William III, who began the persecution of child traffickers, the boy is abandoned in the harbor of Portland.

According to all the laws of the realistic genre, in which, according to many literary critics, the novel "The Man Who Laughs" was written, the child should have died. But here the higher (romantic) providence

intervenes, under which Hugo deduces nature (and in fact — God), and the boy not only survives, but also saves a nine-month-old girl from death. On the way to life, the child is accompanied by continuous dangers — cold (the action takes place in one of the coldest European winters), fear (meeting with the corpse of a smuggler), death (crossing the thin Portland Isthmus and the constant threat of being either in the sea or in the ocean), hunger, fatigue, human indifference. Gwynplaine overcomes everything, acquiring in the end — a house (not too big, but warm and cozy), a family (someone else's by blood, but kindred in spirit), fame (at a fair level), money (enough so as not to starve yourself and feed Deyu and Ursus with Homo), love.

The theme of love in the novel is revealed in two aspects: romantic — the love of Gwynplaine and Dei (pure, sublime, spiritual) and realistic — the physical attraction that exists between Gwynplaine and Josiana (passionate, bodily, animal). The image of Josiana is contrasted with the image of Dei: unlike a blind girl, beautiful, fragile, light, the duchess looks majestic in her beauty, a desirable woman, full of bodily health. She is drawn to Gwynplaine by an inner perversity that coexists with physical innocence in Josiana. The girl dreams of giving her virginity to the lowest person in the world, thereby rising above the high society despised by her and putting an end to satiety and boredom.

The same supreme providence protects Gwynplaine from moral fall, which for fifteen years carried a bottle with the confession of the Comprachicos sealed in it. The exaltation of the hero becomes a turning point and final stage in his life. Having become a lord, Gwynplaine in one day faces all possible temptations — pride, vanity, lust, oblivion (past life), betrayal of his loved ones (fleeting, but no less acute). Having received the opportunity to convey to those in power the truth about the suffering people, he cannot fully realize his status of a peerage because of the physical deformity that makes others laugh, and some tongue-tied language due to the lack of speech practice of communicating with the upper strata of society.

After the debates in the House of Lords, only his half-brother, David, who knows the folk environment in which he turns under the guise of the sailor Tom-Jim-Jack, takes the side of Gwynplaine. At the same time, supporting the ideas put forward by the buffoon, in an impulse to defend his good name and the name of his family, he challenges not only the young lords, but also his newly acquired brother to a duel.

Struck by the baseness of high society, Gwynplaine (in the literal sense of the word) runs down and, not finding the “Green Box” in its former place, immediately realizes that he has lost. His real name and life turned out to be a lie; his ugly smile and buffoonery are true. As Ursus predicted, the true happiness for Gwynplaine has always been Dei alone, seeing his kind heart and loving him for himself. The death of Gwynplaine and Dei puts an end to their relationship — not having bodily development on earth, but endlessly striving into the divine cosmos.

THE LIST OF USED LITERATURE:

1. Леонтьева Т. В. , Щетинина А. В. , Еремина М. А. . Галерея лингвистических портретов социальных типов: монография. Екатеринбург: Ажур, 2018. 336 с. 7. Маклакова Е. А. О метаязыковом описании значения слова в лингвистике // Язык и национальное сознание . Вып. 23. / ред. И. А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2017. С. 10-16.

2. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М. : Языки славянской культуры, 2004. 609 с.

3. Галеев Т. И. , Мифтахова А. Н. . Эволюция явлений социальной семиотики в разных типах дискурса (на примере анализа лингв. окультурного типажа “Русский дворянин”) // Филология и культура. 2016 . № 1 (43). С. 36-40.

4. Го Лицзюнь. Лексическая репрезентация образа Китая в российском публицистическом дискурсе // Научный диалог. 2019 . № 3. С. 38-53.

COMPARATIVE ANALYSIS OF ENGLISH AND UZBEK PHRASEOLOGICAL UNITS DENOTING COLOURS

Khoshimova Munisa

Master's degree student
of Samarkand State Institute of Foreign Languages, Uzbekistan

Kadirova Sitora

Master's degree student
of Samarkand State Institute of Foreign Languages, Uzbekistan

Abstract: The aim of the given article is to determine similarities and differences between English and Uzbek phrasal verbs, the nature of their correlation and translation on the basis of the theme "Colour". The names of the colours in different languages are perceived not only literally, they have a symbolic character. Peculiarities of colour vision of the world by representatives of different ethno-cultural communities allow us to talk about the existence of ethnic national colour view of the world. Such differences of different peoples in cultural ideas about the colour are most evident in associations, which point to the national and cultural specificity of thinking. This work gives the analysis of the frequency of their use in phraseological units of the English and Uzbek languages and the research reveals differences and similarities of semantic connotations of colour components.

Key words: set phrases, polysemy, semantic row, similarity, difference, mentality, interaction.

Introduction. It is difficult to imagine any area or sphere of activity of people where colour and colour designation would nor play a significant role. The view of the world of different cultures is universal, but also nationally specific; therefore, speakers of different languages can see the world around them a little differently through the prism of their languages. The language reflects the experience of dozens of generations over many millennia. Historically the prototypes of colours have developed in such a way that they have attached their own shades to the meaning of colour designation, which undoubtedly influenced the development of composing the group colour designation in various languages.

In this article, studies of various colours are considered in two ways. On the one hand, individual concepts specific to a given language are analyzed. First of all, these are stereotypes of linguistic and cultural consciousness. On the other hand, specific connotations of non-specific concepts are highlighted, for example, the symbolism of colour meanings. One can give such an example of the difference in cultural associations of a particular colour. For instance, white in the USA means purity, in France — neutrality, in Egypt — joy, in Japan — death, in India and China — death and purity, and red in the United States means danger, in France — aristocracy, in Egypt — death, in India — life and creativity, in Japan — anger and danger, in China — happiness.

White / Oq

White is the colour of goodness, truth, loyalty, justice and chastity. It symbolizes spotlessness, virtue, purity and joy. White also means something harmless, beneficial, lucky in both languages. For example, oq ko'ngil — a benevolent, sympathetic person; oq yurak — an open-minded person, oq dasturxon — a hospitably laid table, oqsaqol — the eldest, respected person. Here are some examples of English expressions: white reputation — an impeccable reputation, as white as a ghost / as white as a sheet — pale as a canvas, to raise a white flag — to give up, to whitewash something — to cover, to hide something, to know black from white — to understand what is what, to know which side one's bread is buttered, white lie — an harmless or trivial lie, a noble lie.

Black / Qora

Black, respectively, symbolizes the ills of life, evil and misfortune, it is the colour of evil, fear, death.

In a word, the connotations of black are mostly negative both in English and Uzbek. Black has the connotation of something illegal, unlawful, dishonest or secret. The following expressions can be given as examples: qora yurak — a cruel person, qora bet — a disgraced person, qora niyat — full of deceit, ichi qora — he/she is guilty, qorasuyak — a low position in a society, someone in an awkward position, things look black — to be in trouble, black and blue — to have bruise, black eye — bruised under the eye, blackout — turning off the light, black sheep — a family disgrace, to blackmail — to make somebody squeal, to blacklist — to put someone in a blacklist, to black out — to lose consciousness, black market — an illegal trade, black art — a black magic, black spot — a dangerous place on the road, black dog — a depressed, gloomy man, black look — a gloomy, menacing look, to blackball (someone) — to reject someone.

Red / Qizil

Red colour plays an important role in human life. It is no coincidence that the words with the adjective “red” are very often used in the speech of all peoples after white and black colours. In Eastern countries, it is traditionally the colour of the sun, power, as well as a symbol of youth and beauty. In particular, in the Uzbek language there are such phrases like: qizil til — a sharp tongue, wit, qizil qorin — small young children. We can find rare examples of negative connotation in Uzbek: qizil ko'z — a harmful person.

Blue / Ko'k

In English, the meaning of blue is dual. On the one hand, the blue colour is a symbol of truth and justice, therefore its connotation is often positive. Usually it is perceived as a colour inalterability and constancy, for example, true blue — truthful, absolutely loyal, blue ribbon — the best, exceptional or blue blooded — of high noble blood. On the other hand, blue can also mean something gloomy, hopeless, depressing, as in the phrasal units feeling blue as an expression of sadness. Other examples: to get the blues — to be upset, to be in a blue funk — to yearn, to make / turn the air blue — to curse, to use foul language, to drink till all's blue — to drink up to delirium tremens, to blue money — to squander money, to talk a blue streak — to chatter, to talk a mile a minute, blue in the face — to be furious, to lose one's head. Other phrasal units with a specific translation are also interesting: out of the blue — unexpectedly, without warning, once in a blue moon — almost never, when pigs fly, men / boys in blue — policemen or sailors in blue uniforms, blue-eyed boy — a favourite, blue collars — industrial workers, a working class; bluestocking — a learned and pedantic woman as a symbol of facelessness, lack of femininity and charm (comes from the name of the 18th century literary circle “Blue stocking Club”).

To sum up, it should be said that when teaching a foreign language, it is extremely important to take into account the specifics of the translation of phraseological units associated with colours because incorrectly understood meanings of these words can significantly change the perception of students. It's important to remember that a learner of a foreign language automatically attributes to the words of a foreign language the connotations of the native language that are often very different from the original version.

REFERENCES:

1. <http://nikitindima.name/2010/07/23/idiomy-anglijskogo-yazyka-cvet/>
2. <https://weproject.media/en/articles/detail/9-Uzbek-traditions-that-are-used-with-the-birth-andupbrin...>
3. <https://englex.ru/english-colour-idioms/>
4. The Oxford Russian Dictionary. Oxford, University Press. 1997

CHET TILINI O'QITISHDA ESHITISH KO'NIKMASINI RIVOJLANTIRUVCHI INTERFAOL USULLARNING AHAMIYATI

Turdiyeva Dilobar Zafarjonovna,
Samarqand davlat chet tillar instituti 1-kurs magistrant talabasi

Annotatsiya: Chet tilini o'qitishda tinglash qobiliyatini rivojlantiradigan interaktiv usullarning ahamiyati. Ushbu maqolada tinglash qobiliyatlarini o'rgatish uchun ishlatiladigan interaktiv usullarning ahamiyati va tinglash qobiliyatlarini o'qitishga tegishli ba'zi atamalar haqida gap boradi.

Kalit so'zlar: audio segment, video segment, intervyu, akustik appersepsiya, maxsus mashqlar, auditiv mashqlar, faol tinglash

Chet tilini o'qitishda tinglash yoki tinglab tushunish eng muhim tarkibiy qismlaridan biri hisoblanadi. Til o'rganishda tinglash bu aloqa jarayonidagi xabarlarini to'g'ri qabul qilish va izohlash qobiliyatidir. Tinglash barcha samarali muloqotning kalitidir.

Tinglash — bu tovushlarga e'tibor berish va ulardan ma'no olishga harakat qilish. Biroq ilgari ba'zilar buni passiv faoliyat deb taxmin qilishgan, tinglash — bu tinglovchining tovushlar ichida ajralib chiqishi, so'zlar va og'zaki tuzilmalarni tushunishi, intonatsiyalarni talqin qilishi va to'plangan ma'lumotni kontekstda talqin qilish uchun saqlab turishi kerak bo'lgan faol jarayon. Tinglash bilan bog'liq ikkita aniq jarayon yoki usul mavjud; yuqoridan pastga va pastdan yuqoriga yo'naltirilgan jarayon. Benetning ta'kidlashicha, tinglash bir yoki ikki tomonlama jarayondir. Ikkala jarayon o'z-o'zidan paydo bo'ladi va shu bilan ular o'zaro bog'liqdir.

Tadqiqotlar shuni ko'rsatadiki, 30% so'zlash, 16% o'qish va 9% yozish bilan taqqoslaganda o'rtacha 45% tinglashga sarflanadi [1, 82]. Ya'ni har qanday standartga ko'ra, tinglash uchun juda ko'p vaqt sarflanadi. Shu sababli samarali tinglashingizni ta'minlash uchun biroz ko'proq vaqt sarflash maqsadga muvofiqdir.

Manbalarda keltirilishicha, eshitish bilan tinglash bir xil emas. Eshitish sizning qulog'ingizga kiradigan tovushlarni anglatadi. Bu sizning jismoniy eshitishingiz, agar eshitish muammolari bo'lmasa, avtomatik ravishda amalga oshiriladi. Ammo tinglash uchun bundan ko'proq narsa talab etiladi: ruhiy va ba'zan jismoniy ham diqqat va jamlangan harakat talab etiladi. Tinglash deganda nafaqat hikoyaga, balki uning qanday bayon etilishiga, til va ovozdan foydalanishga va boshqa odam o'z tanasini qanday ishlatishiga e'tibor berish kerak. Boshqacha qilib aytganda, bu og'zaki va og'zaki bo'lmagan xabarlardan xabardor bo'lishni anglatadi. Sizning samarali tinglash qobiliyatingiz ushbu xabarlarini qabul qilish va tushunishingiz darajasiga bog'liq. Shu sababli tinglash passiv jarayon emas.

Tinglovchilar va tinglovchilarning tinglash jarayonlari haqidagi ongini oshirish orqali metakognitiv bilimlarni rivojlantirish uchun auditoriya materiallari bilan auditoriya tadqiqotchilari va sinf amaliyotchilari qiziqishlari o'rtasidagi farqni qayd etadi. Talabalarga qanday tinglashini o'rgatish juda muhimdir. Bu tinglash amaliyotiga e'tiborni mahsulotdan jarayonga yo'naltiradi va o'qituvchidan talabaga o'rganish mas'uliyatini o'zgartiradi va shu bilan talabalarning o'zini o'zi boshqaradigan o'quvchi bo'lishiga yordam beradi [3, 103].

Shuni ta'kidlash joizki, tinglovchi hech bo'lmaganda ma'ruzachi singari shu jarayonda ishtirok etishi, suhbatni tinglashi va uni idrok etishi kerak. To'liq ishtirok etishning ushbu jarayonini tavsiflash uchun "faol tinglash" iborasi ishlatiladi.

Tinglab tushunish uch bosqichli faoliyat bo'lib, umumiy eshituv idroki (akustik appersepsiya), so'zlarning tovush tomonini (fonematik) farqlash va mohiyatni anglash orqasida nutqdagi mazmun idrok etiladi, bilib olinadi va tushuniladi [2, 219].

Tinglash qobiliyatlarini o'rgatishning samarali, zamonaviy usullari bilan bir qatorda interaktiv mashqlar hamda multimedia manbalari mavjud. Tinglash qobiliyatlari yakuniy mahsulotga emas, balki ko'proq o'quv jarayoniga yo'naltirilgan oddiy, qiziqarli mashg'ulotlar orqali samarali o'rganiladi.

Til o'qitish jarayonida tinglash qobiliyatlarini kuchaytirishning samarali usullaridan biri bu o'zaro intervyular tashkil etishdir. O'rganuvchilar ikki yoki uch kishilik kichik guruhlariga tayinlangan holda ma'lum bir tinglash jarayonini tashkil etishi mumkin. O'zaro aloqa qilish orqali tinglash qobiliyatini rivojlantirishga imkoniyat beradi. Bundan tashqari kattaroq guruh faoliyati ham tinglovchilarga tinglash qobiliyatlarini o'rgatish uchun foydali usul bo'lib xizmat qiladi.

Tinglovchilar hamma narsaga ahamiyat bermaydilar; ular vazifaning maqsadiga muvofiq tanlab tinglaydilar. Bu o'z navbatida, talab qilinadigan tinglash turini va tinglovchilarning vazifaga qanday yaqinlashishini aniqlaydi [4, 81].

Tinglab tushunishga mo'ljallangan (auditiv) mashqlar sistemasi maqsadiga ko'ra ikki turga bo'linadi: maxsus va maxsus bo'lmagan mashqlar. Maxsus bo'lmagan mashqlarda tinglab tushunish og'zaki tarzda o'rgatiladi. Shu sababli darsni chet tilida tashkil etish tinglab tushunishga o'rgatishning bir bosqichlaridan biri hisoblanadi. Maxsus mashqlar esa tinglab tushunishga tayyorlov va sof nutqiy mashqlarga ajratiladi. Shuningdek, tinglash qobiliyatlarini audio segmentlar, onlayn podkastlar, o'quv ma'ruzalar va boshqa audio xabarlar orqali rivojlantirilishi mumkin. Bu jarayon samarali tashkil etilishi uchun kerakli muhit hamda sharoit yaratilishi lozim. Shu bilan bir qatorda mashqlarni takrorlash zarur [2, 221].

Tinglash qobiliyatlarini o'rgatish uchun yana bir foydali manba — bu video segmentlar, jumladan qisqa eskizlar, yangilik dasturlari, hujjatli filmlar, intervyu segmentlari va dramatik va komik materiallar. Ovoz segmentlarida bo'lgani kabi, o'quvchilarning mahorat darajasiga qarab video segmentning qismi va uzunligi tanlanadi.

Tinglash jarayonida vazifa talablarini tahlil qilish, kerakli tinglash jarayonlarini faollashtirish, tegishli bashorat qilish, ularning tushunchasini kuzatish va ularning yondashuvining muvaffaqiyatini baholash, ular metakognitiv bilimlardan muvaffaqiyatli tinglashni tushunish uchun foydalanmoqdalar. Bu o'z-o'zini boshqaradigan ta'limni rivojlantirish uchun juda muhimdir [7, 123].

Tinglab tushunish jarayoni nutqni idrok etish, eshitish xotirasi, ichida gapirish, solishtirish, antisipatsiya (oldindan fahmlash), mantiqan tushunish kabi mexanizmlarni o'z ichiga oladi. Mazkur mexanizmlarni shakl toptirish oqibatida o'rganuvchilarning til o'rganish jarayonida tinglab tushunish malakasi hosil qilinadi. Tinglab tushunish malakasi chet tilida zaruriy mashqlarni bajarish sababli shakllanadi va rivojlanadi. Tinglab tushunish muvaffaqiyatli amalga oshishi uchun quyidagi uch omil nazarda tutiladi. Tinglovchining o'ziga bog'liqlik (xususan, eshitish malakasining rivojlanganligi, xotirasi, diqqati kabi xususiyatlari), tinglash shart-sharoiti (nutq tezligi, til materialining hajmi hamda shakli) va shu bilan birgalikda qo'llangan materialning lingvistik jihatlari hisobga olinadi.

Talabalarni tinglash jarayonida ularni boshqarish nafaqat tinglash vazifasini muvaffaqiyatli bajarishi mumkin bo'lgan bilimlarni beradi shuningdek, bu ularni rag'batlantiradi va o'zlarining bilimlarini nazorat qilishni o'z zimmlariga oladi [6, 98].

Shunday qilib, tinglash — bu ko'rinmas aqliy jarayon. Tinglash faol ko'nikma hisoblanadi, shu sababli til o'qitishda tinglash jarayoniga ko'proq e'tibor berish kerak. Tinglovchilar tovushlarni farqlashlari, lug'at va grammatik tuzilmalarni tushunishlari va izohlashlari kerak. Chet tilida tinglab tushunishni zamonaviy va interaktiv texnologiyalardan foydalanib o'rganish va o'rgatish eng samarali usullardan biri hisoblanadi. Bu jaaryonda kompyuterlardan foydalangan holda video roliklarni, namoyishlarni, dialoglarni, kino yoki multafilmlarni ko'rishi hamda eshitishi mumkin. Bundan tashqari chet tilidagi radio eshittirishlar va televideniedagi dasturlarni eshitish va tomosha qilish ham samarali usullardan biri hisoblanadi. Bu texnik vositalardan foydalanish o'quvchilarning chet tilini tinglab tushunish orqali o'rganishlari jarayonini qiziqarliroq va samaraliroq bo'lishini ta'minlaydi.

ADABIYOTLAR:

1. Byrnes H. The Role of Listening Comprehension: A Theoretical Base. Foreign Language Annals . — 1984. — 82p.

2. Jalolov J. Chet til o'qitish metodikasi. Toshkent. — 1996. — 171-178 p.
3. Mendelsohn D. Teaching Listening. Annual Review of Applied Linguistics. — 1998. — 103p.
4. Richards J.C. The Language Teaching Matrix. New York: Cambridge University Press. — 1990. — 81p.
5. Rost M. Teaching and Researching Listening. London, UK: Longman. — 2002. — 67p.
6. Vandergrift L. Facilitating Second Language Listening Comprehension: Acquiring Successful Strategies. ELT Journal. — 1999. — 98 p.
7. Wenden A. Metacognitive Knowledge and Language Learning. Applied Linguistics. — 1998. — 123p.
8. Wipf J. Strategies for Teaching Second Language Listening Comprehension. Foreign Language Annals. — 1984. — 37 p.

NEW TRENDS IN FORMATIVE-SUMMATIVE EVALUATIONS FOR ADULT EDUCATION

Khaydarova Mekhrangiz,

Master's degree student

Samarkand State Institute of Foreign Languages, Uzbekistan

Abstract: The aim of this article was to review the different evaluation approaches for adult learners and the effect on promoting the quality of teaching and learning. This study aimed to identify new trends in adult education formative-summative evaluations.

Keywords: adult learner, adult student evaluation, distance learning evaluation, formative-summative evaluation

Introduction and Background

The adult education system has changed dramatically since Malcolm Knowles introduced his theory and definition of adult education, and the boundaries of "adult education" are broad and difficult to delineate. The term "adult learners" now includes individuals who, following a break in study after leaving compulsory or regular university education, become involved in a diverse range of formal, informal, and non-formal education that results in acquisition of new skills, knowledge, and well-being. The "adult student" category is often limited to those aged 25 and over. There is some overlap between the categories of "nontraditional student" and "adult student." The "adult student" is first defined as a student who pursues any program leading to a vocational certificate, degree, or training; second, his or her goal for education is to gain additional or enhance existing work skills; third, he or she considers himself/herself primarily as a worker, not a student; and, finally, is likely to be enrolled in distance education because of his or her numerous responsibilities and multiple life roles. Adult education involves adults engaging in sustained, systematic, self-educating activities to gain values, knowledge, attitudes, and new skills.

Adult Education Evaluations

"Evaluation" and "assessment" are often used synonymously to refer to the process of judging and assigning value to an item. However, the term "assessment" is technically used to judge work, learning, or performance (formally or informally), while the term "evaluation" is used to measure all other aspects of academic endeavors

During an education program, evaluations are conducted at several stages to determine the value of certain aspects according to a set of guidelines with specific criteria. According to Jones, both assessment and evaluation procedures identify what is being assessed, addressing the nature of assessment and the collection of appropriate evidences. Both assessors and evaluators must be clear about what they are assessing.

To summarize, assessment is defined as a continuous process to measure, monitor, and improve learning, degree of achievements, outcomes, and decide how much objectives are accomplished. On the contrary, evaluation validates and judge the performance or outcome quality degree and level for decision making. Thus, the key difference between the two is that assessment is directed toward learning progression, evaluation is aimed to outcome. Assessment is continuous systematic measures to review and assess the learner improvements, weakness and strength using the obtained data and information for academic support.

Differences Between Assessment and Evaluation

Yambi stated that the main differences between assessment and evaluation, they are as follows:

Assessment is the process of collecting and examining the data to improve the current and future

performance. Evaluation is a judgmental process using standardized criteria to evaluate final grades or scores.

Assessment is investigative diagnostic, as it identifies weak areas to improve. Whereas Evaluation is judgmental since it provides the learner with the overall score.

Assessment serves as a feedback on learning to enhance the performance. In contrast, Evaluation determines if the criteria are fulfilled or not.

Assessment goal is formative or assessment for learning, that is, to improve the performance during the process but evaluation is summative since it is performed after the program has been completed to judge the quality.

Assessment targets the process, whereas evaluation is aimed to the outcome.

Assessment feedback relies on reflections of strong and weak points. In evaluation, it depends on the level of outcome against predetermined criteria.

The association between assessor and the person to be assessed is student-centered and depends on perception, standards internally and jointly defined. On the contrary, in evaluation the evaluator shares a perspective association with the person to be evaluated against predetermined measures defined by the evaluator.

Formative assessment, targets student's learning improvement and advancement. Thus, meaningful feedback is required. While summative assessment is aimed to assess student's accomplishments.

Formative assessment is conducted multiple times during the process, whereas the summative is held after concluding part or course.

Summative assessment includes the full topic or course when assessing. Thus, summative assessment is considered to be more of a "product assessment."

Formative assessment considers evaluation as a continuous regular process.

Effective Formative Assessment

The effective formative assessment is designed to attain the desired learning objectives and focuses on daily needs and practices. It is aimed to monitor student achievement and progress in achieving the desired goals, thus must be precise, clear, quantifiable, and based on Bloom's Taxonomy. It should be able to assess individual and group performance and consistent without changing everyday practice to fit the exam. One of the advantages of formative assessment or assessment for learning is to give feedback and directions to adjust teaching strategies to guide and lead students to achievements and success.

Conclusion

After revising the ideas above, it would be obvious that evaluation and assessment are totally dissimilar. Whereas evaluation includes creating decisions, assessment is concerned with correcting the deficits and weakness in the performance. Though, they play an essential part in investigating and purifying the performance of a person and outcome.

This article examined new trends in the use of formative-summative evaluations in adult education. An examination of these new trends provides implications for evaluating adult students within the classroom setting. Namely, as adult learners tend to be more responsible for their learning than younger students and bring more experience to the classroom, adult educators have more freedom and flexibility in assisting their students. Therefore, the adult learning environment is perfectly suited for formative evaluation. Finally, these trends parallel those related to the increase in high-stakes standardized testing, which is not always available in adult education scenarios.

REFERENCES:

1. Aboulsoud, S. (2011). Formative versus summative assessment. *Education for Health*, 24(2), Article

-
651. <http://www.educationforhealth.net/article.asp?issn=1357-6283;year=2011;volume=24;issue=2;spage=651;epage=651;aulast=Aboulsoud>
2. Angelo, T. (1995). Reassessing and defining assessment. *AAHE Bulletin Angelo*, 48, 7–9.
3. Aycock, M., Sikes, M., Stevens, G. (2018). Physician assistant student perceptions of “muddiest point” classroom assessment technique implementation. *The Journal of Physician Assistant Education*, 29(2), 115–117. <https://doi.org.sdl.idm.oclc.org/10.1097/JPA.000000000000197>
4. Baehr, M. (2005). Distinctions between assessment and evaluation. *Program Assessment Handbook*, 7(1), 231–234.

ЛОНДОН КАК ПЕРСОНАЖ (фрагменты) (по повести “London. The Biography of City” П. Акройда)

Хайрединова Албина,
магистрантка

Самаркандского государственного института иностранных языков,
Узбекистан

У английского писателя Питера Акройда (род. в 1949 г.) [1], очень известного современного нам классика, есть повествование с примечательным названием «Лондон. Биография города» [2] — «London. The Biography of City» [3]. Биографии, как известно, бывают у людей. Так как речь идет о художественном произведении, то в тексте с точки зрения жизнеописания речь может идти о персонажах, героях произведения (иногда это даже определяет жанр романа или повести с добавлением определения «биографический»). «Био» (от греческого βίος) — жизнь, значит, город-персонаж должен быть живым: Следовательно, он когда-то родился, дышит, ест, двигается, растет, приобретает навыки. Как-то выглядит внешне - может быть, поправляется или худеет, может быть, болеет. Персонаж «Лондон» должен быть похож на человека. Он развивается, взрослеет, умнеет, испытывает какие-то эмоции. Он проходит подростковый период, потом потихоньку набирается опыта. Так как обычно людям известны даты появления городов, то история «рождения» может быть известна, но если город жив, то мы пока ничего не знаем о его «смерти», как бы «физической». Следует ожидать, что в таком повествовании должны быть отмечены вехи жизни персонажа — недаром в тексте есть глава «London as Body» - некая физическая субстанция. Таким образом, само заглавие текста заявляет развернутую, очень *многообразную и объемную метафору*.

Так как эти заглавия взяты почти произвольно и по хронологии, но с пропусками, то они относятся к разным векам — текст выдержан так, что описывает Лондон в его историческом развитии. Это именно «биография». Перечень демонстрирует аналогию с законами жизни и вполне мог бы работать на описание какого-то персонажа. Т. е. мы видим художественное изображение: «город как личность в ее физической и духовно-душевной субстанции». Личность в движении, в сочетании с функциями организма. В сочетании с растущей энергетикой.

Глава 77 называется в оригинале «Fortune not Design» («Удача, а не Судьба»), но Л. Мотылев переводит это «Судьба, а не расчет». В тексте есть такая фраза: «Is London, then, just a state of mind? The more nebulous its boundaries, and the more protean its identity, has it now become an attitude or set of predilections? On more than one occasion, in its history, it has been described as containing a world or worlds within itself» [3]. — «Может быть, тогда Лондон — это просто состояние души? Границы его все расплывчатей, натура — все переменчивей, и не стал ли он теперь совокупностью человеческих установок и предпочтений? На протяжении его истории не раз говорили, что он содержит в себе целый мир или миры» [2].

Вероятно, очень большую роль играет то, что Англия как база рождения Лондона (первые главы называются «Море» и «Камни», т. е. на уровне библейских символов — влага и твердь, вечные субстанции) — остров. Это же обособленность, сепаратность, самостоятельность. Есть исследования о том, что островные нации, несмотря на разность истории, религии, рас, имеют ряд общих свойств (Англия и Япония, например [5]). Вырабатываются некая независимость, смелость, дерзость. Вдобавок - привычка к воде, которая способствует навыкам постоянного преодоления (для начала хотя бы земного притяжения, вдобавок - отсутствие почвы под ногами, в буквальном и переносном смыслех)!

Наверное, есть и серьезные расхождения, и познание этой общности не такая уж простая вещь, требующая образования и воображения. Но, безусловно, вода СО ВСЕХ СТОРОН — это интереснейший феномен в истории человечества.

Город в такой стране получает энергию, необходимую для постоянного роста и изменения, за счет своих обитателей, но вместе с тем как бы и из воды. Он питается жизненными силами людей все новых поколений, прибывающих в столицу. Современная исследовательница творчества П. Акройда и автор диссертации на тему: «Образ Лондона в творчестве Питера Акройда» И. В. Липчанская. [6] пишет в главе своей работы «Непрерывность как характеристика образа Лондона», что у Акройда постоянно анализируются **мотивы и метафоры, поддерживающие идею непрерывности, континуума городской жизни**. «Лондон. Биография» насквозь пронизана **мотивами памяти камня, памяти места**. Камень или особый лондонский кирпич, основной строительный материал, становится **символом** города в целом... Образ города оказывается сложным, гибридным.

Так как перечисление дат в начале повести начинается 54-м г. до н. э., Первой британской экспедицией Цезаря, и кончается 2000-м годом — «Выборами мэра», но Лондон продолжает жить и сейчас, то речь идет только об означенном времени, а далее жизнь продолжается, и уже можно было бы зафиксировать новые даты. Так что смерти живого организма в повести нет.

Еще один интереснейший момент - это «травмы» и «болезни» Лондона: **959 г.** - Большой пожар в Лондоне. Сгорел собор Св. Павла; **1348 г.** - «Черная смерть» уничтожает треть лондонского населения; **1406 г.** - Эпидемия чумы; **1484 г.** - Эпидемия «потницы» в Лондоне; **1665 г.** - Великая чума; **1666 г.** - Великий пожар; **1952 г.** - Большой смог.

На «топос» работают главы первая и вторая— «The Sea!» - «Море!» и «The Stones» - «Камни». Это очень несложная и понятная символика жидкой и твердой субстанций «организма» в связи с охарактеризованным выше «анатомиранием» «The City as Body».

Можно также упомянуть и о как бы «пищеварительной системе» (включая историю канализации в историю так называемого Великого зловония в 1859 г.) Лондона и о его дыхательной системе. На это могут сработать факты распространения смога в XX вв., в 1952 г и ухудшения экологической обстановки [7].

Современная исследовательница творчества П. Акройда и автор диссертации на тему: «Образ Лондона в творчестве Питера Акройда» Липчанская И. В. [6] пишет о том, что «для создания образа Лондона как живого существа с самого начала используется **метафора города как человеческого тела**. С ней закладывается **дихотомия образа**: Лондон представляется одновременно и **прекрасным юношей, и страшным монстром**. Следовательно, изначально в поэтику книги закладывается общий, постоянный **прием контраста**, а возможно - и **оксюморона**, так как Лондон — единство. Фактически в дальнейшем повествовании **образ монстра, мутанта** оказывается доминирующим. Так появляются элементы **гиперболы**, может, иногда даже **гротеска**, в принципе — появляются элементы *horror*.

Литература:

1. Акройд Питер. - https://ru.wikipedia.org/wiki/Акройд,_Питер
2. Акройд П. Лондон. Биография. <https://litportal.ru/avtory/piter-akroyd/kniga-london-biografiya-356817.html>
3. Ackroyd_Peter/London. The Biography. - https://royallib.com/book/Ackroyd_Peter/London_The_Biography.html
4. Акройд П. Биография Лондона. Фрагменты книги. — «Иностранная литература», 2002, № 10. С. 231-289.
5. Овчинников В. Сакура и дуб. - <https://www.litres.ru/vsevolod-ovchinnikov/sakura-i-dub-2/>
6. Липчанская И. В. Образ Лондона в творчестве Питера Акройда. - <http://cheloveknauka.com/obraz-londona-v-tvorchestve-pitera-akroyda>

7. Великое зловоние. - [https://ru.wikipedia.org/wiki/Великое зловоние](https://ru.wikipedia.org/wiki/Великое_зловоние)

АССОЦИАТИВНО-КОГНИТИВНЫЙ УРОВЕНЬ ЭПИГРАФОВ РОМАНА «PICTURE THIS» ДЖ. ХЕЛЛЕРА

Набиева Маржона Бурибой кизи,
студентка 2-го к. магистратуры

Роман «Picture this» (by J. Heller) («Вообрази себе картину» Дж. Хеллера) начинается с четырех эпиграфов, а любой эпиграф — *интертекстуален*. «Интертекст - основной вид и способ построения художественного текста в искусстве модернизма и постмодернизма», основанный на цитатах и реминисценциях к другим текстам. «Поэтика интертекста» является главным свойством литературы XX в., которое определяются *неомифологием*. «В неомифологическом тексте в роли мифа», связывающего «смыслы этого текста, выступают /.../ не только архаические мифы, но античные и евангельские окультуренные мифы и /.../ мифологизированные тексты предшествующей культурной традиции, такие, как „Божественная комедия“, „Дон-Жуан“, „Гамлет“, „Легенды о докторе Фаусте“. Что касается *цитаты*, то она перестает в поэтике интертекста играть роль простой дополнительной информации /.../ цитата становится залогом самовозрастания смысла текста» [1] (курсив всюду мой — М.Н.).

Другим важнейшим принципом постмодернизма можно считать *смещение смыслов и насмешливость над всем*. «Мы живем в эпоху, когда все слова уже сказаны», - сказал С. С. Аверинцев [2], поэтому каждое слово /.../ в постмодернистской культуре - это *цитата*. В этих двух ссылках фактически сконцентрировано все, что нужно для комментария эпиграфов в названном романе. Так вот, все четыре эпиграфа: «Трагедия - это подражание действию» (Аристотель, «Поэтика») [3]. — «Tragedy is an imitation of an action» [4, 1]; «Прямая душа ставит честь превыше богатства» (Рембрандт) [3]. — «An upright soul respects honor before wealth» (Rembrandt); [4, 1]. «Помоему, Дьявол гадит голландцами» (Уильям Бэттен, инспектор Королевского флота, подслушано Сэмюэлом Пеписом, 19 июля 1667 года, «Дневник») [3]. — «I think the Devil shits Dutchmen». Sir William Batten, Surveyor of the Navy, overheard by Samuel Pepys, 19 July 1667, Diary) [4, 1]. «История - чушь, сказал Генри Форд, гений американский индустрии, почти ничего ни о чем не знавший» [3] — «History is bunk, says Henry Ford, the American industrial genius, who knew almost none). [4, 1] - сразу обозначают направление содержания романа и его хронотопа: место: Древняя Греция - Европа, время: античность - 17 век - 20 век. Любопытно, что юмористический и пародийный третий эпиграф обыкновенному читателю, не собирающемуся рыскать по справочникам, скорее всего, покажется розыгрышем — настолько это фраза, приписываемая никому не известному сэру У.Бэттену (да и был ли он? - так же, как и Сэмюэл Пепис в самом-то деле?!) неожиданна и смешна. Также любопытно видеть столь же неубедительную с точки зрения правды цитату Генри Форда.

Как пишет В. П. Руднев [2], постмодернизм был первым направлением XX в., которое открыто призналось в том, что текст не отображает реальность, а творит новую реальность, вернее, даже, много реальностей, часто вовсе не зависимых друг от друга. Ведь любая постмодернистская история - это история создания и интерпретации текста. Откуда же тогда взяться реальности? Реальности просто нет. Есть различные *виртуальные реальности* - недаром постмодернизм расцвел в эпоху персональных компьютеров, массового видео, Интернета...

На место пародии классического модернизма в постмодернизме стал *пастиш* (от итал. pasticcio - опера, составленная из кусков других опер; попури).

Пастиш отличается от пародии тем, что теперь пародировать нечего, нет того серьезного объекта, который мог бы быть подвергнут осмеянию. Как писала О. М. Фрейденберг [2], пародироваться может только то, что «живо и свято». В эпоху постмодернизма ничто не живо и уж тем более не свято.

В самом деле, почти неприличная фраза, приписываемая С. Пеппису, может быть понята только в контексте изучения истории Голландии и ее места среди других европейских стран. Отсылка к 17 веку предполагает, возможно, какие-то реалии, которые то ли были, то ли не были, но узнать-то о них можно только с помощью *интертекстуальной информации*. Так же спародирован (это настоящий *пастиш*) Генри Форд. Ведь куда более привычно считать, что этот гений американской индустрии был умен — но образован ли? И нужно ли обращаться к историческим сведениям об этом — зачем? И что дадут эти - возможно, найденные в каких-то источниках — сведения обыкновенному читателю? Ясно одно: вы верите в виртуальную реальность Дж. Хеллера, если начинаете читать этот роман, и Вы настраиваетесь на тональность произведения, очевидную уже из эпиграфа. Во всяком случае, ясно, что будет, наверное, не скучно и иногда, возможно, смешно. Ясно также, что автор ироничен.

Подобным образом организован *сам принцип повествования* в «Вообрази себе картину». То, что автор «оживляет» то Гомера, то Аристотеля, а Рембрандт и должен говорить и действовать как едва ли не главный фигурант текста, создает своего рода *«бриколаж» цитат*, как бы *перебрасываемых через века авторов*. Так как *отказ от истины* — один из фундаментальных принципов постмодернизма, то всё, что говорится об исторических реалиях, для читателя может быть как абсолютной правдой, так и совершеннейшей неправдой. «Так появляется Текст вместо истории. История - не что иное, как история прочтения текста» [2].

Действительно, при всем том, что многие исторические факты доподлинно известны, в художественном тексте они могут интерпретироваться. Ироничный Дж. Хеллер делает это мастерски.

Автор охватывает в своем романе очень широкое историческое пространство, начиная с Античной Греции, он перебрасывает мосты и к буржуазной Голландии и затем соединяет с современностью. Важно заметить, что с той легкостью, с которой Хеллер описывает исторические события можно судить о его фундаментальных знаниях по истории, искусству и, конечно же, философии. Неспроста он выбирает именно эти три исторические эпохи, в них очень много схожего. И все это именно подготовлено эпиграфами.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1 Руднев В.П. Интертекст - https://www.booksite.ru/fulltext/slo/var/cul/tur/rud/nev/rudnev_v/40.htm
- 2 Руднев В.П. Постмодернизм. - https://www.booksite.ru/fulltext/slo/var/cul/tur/rud/nev/rudnev_v/79.htm
- 3 Хеллер Дж. Вообрази себе картину. — www.lib.ru/INPROZ/HELLER/pict_il.txt
- 4 Heller J. Picture this.— Simon and Schuster Paperbacks, Rockefeller Center, 1230 Ave. of the Americans, New York, NY 10020. 2004.

ЧТО ТАКОЕ ЭФФЕКТ ЭКФРАСИСА (ПО МОТИВАМ РОМАНА ДЖ. ХЕЛЛЕРА «ВООБРАЗИ СЕБЕ КАРТИНУ» (“PICTURE THIS” BY J. HELLER))

Набиева Маржона,
магистрантка

Самаркандского государственного института иностранных языков, Узбекистан

Как свидетельствует Википедия, «экфрасис — это «изложение, описание» /.../ [произведения изобразительного искусства](#) или [архитектуры](#) в [литературном тексте](#) [1]. Этот весьма интересный и совсем незаезженный термин позволяет обнаружить новые ракурсы анализа текста, названного в заглавии статьи романа Дж. Хеллера «Вообрази себе картину». Буквальный и, конечно, необработанный, нехудожественный перевод этого заглавия — скорее, «Изобрази это» (само слово «this’ - «это» - очень объемно здесь по заложенным в нем смыслам). В накопившейся со времени выхода романа в 1988 г. (рус. перевод С. Ильина, публикация в «ИЛ», № 2, 1998 г.) критической литературе есть даже специальная статья В. Г. Поджидаевой «Эффект экфрасиса в романе Дж. Хеллера «Вообрази себе картину» [2]. В направлении аналитической разработки названной темы магистерской диссертации экфрасис помогает пониманию *хронотопа* [3], *образа времени и пространства*, всегда условного и никогда не идентичного реальным времени и пространству.

Вот цитата из самого начала романа: «Рембрандт, изображая Аристотеля, *размышляющего* (курсив мой — М. Н.) над бюстом Гомера, сам *размышлял* о бюсте Гомера, стоявшем слева от него на красной скатерке, накрывшей квадратный стол, и гадал, много ли денег сможет принести ему этот бюст на публичной распродаже его имущества, которая, *размышлял* он, рано или поздно станет более или менее неизбежной.

Аристотель мог бы сказать ему, что денег он принесет немного. Бюст Гомера был имитацией» [4]. — «Rembrandt painting Aristotle *contemplating* the bust of Homer was himself *contemplating* the bust of Homer where it stood on the red cloth covering the square table in the left foreground and wondering how much money it might fetch at the public auction of his belongings that he was already

contemplating was sooner or later going to be more or less inevitable.

Aristotle could have told him it would not fetch much. The bust of Homer was a copy [5, 14].

При всей сложности для восприятия первой фразы второй главы очевидна **языковая игра**, определяющая всю тональность романа и создающая **юмор, сатиру, иронию** как смыслообразующие константы текста, распространяющиеся и на хронотоп. Происходящие из совсем разных эпох и мест названные персонажи (Гомер — первая треть первого тысячелетия до н. э., примерно VIII в., Аристотель — IV в. до н. э. и Рембрандт, живший в Европе, в Голландии, в 17 в.) как бы видят, слышат и, главное, понимают друг друга. Избыточное, на первый взгляд, повторяющееся слово «размышляющий», «размышлял» пролонгируют изображаемое время, убирая границы между веками и создавая некую непрерывность. Глагол «to contemplate» переводится также «лицезреть», «созерцать», «обдумывать», «иметь в виду». Так что на пролонгированность и неспешность работает, как видим, и синонимия. Вдобавок персонажи как бы оживают и «взаимодействуют»: «Переводя взгляд с тусклой мази, покрывавшей палитру голландца, на вибрирующие тона стоявшей на столе статуи, Аристотель *следил* за чудом преобразования. Добавив угольно-бурого к ее кремевым тонам, Рембрандт *даровал* Аристотелю иллюзию плоти в неживом изваянии человека, который, казалось, наливался теплом бессмертной жизни под ладонью философа. Рембрандт *одел* Гомера несколькими простыми мазками - широкие и плоские, они создали на его одеянии темноватые складки.

Для Аристотеля *оставалось загадкой*, как может человек столь бесталанный обладать таким

гением» [4]. — «Between the lusterless daubs on the Dutchman's palette and the vibrant tones on the statue on the table, Aristotle *witnessed* a miracle of transformation. Adding charcoal browns to his cream colors, Rembrandt *bestowed* for Aristotle an illusion of flesh on an inanimate figure of a human who seemed to grow warm with immortal life beneath Aristotle's hand. Rembrandt *clothed* Homer with simple brushstrokes that were broad and flat and put folds in his garment with darker browns.

It was mystifying to Aristotle that a person so untalented commanded such genius» [5, 45].

Рембрандт оставил множество автопортретов, но диалога с ними у Аристотеля не возникает, потому что картины не оказываются рядом и персонажи не в состоянии как бы «видеть» друг друга.

И далее: перед аукционом, где картина Рембрандта была, наконец, продана, «Аристотель» «висел в одной зале с кучей других Рембрандтов, от которых скоро устал. Как он скучал по всплеску солнечного света, по яркому

красочному мазку, по улыбающимся лицам, по хорошеньким женщинам с других картин, с которыми он от случая к случаю проводил время в других местах! Он отдал бы едва ли не все за Ренуара и Пикассо.

Его начинало трясти от страха за собственную подлинность всякий раз, когда возникал вопрос об атрибуции кого-либо из других Рембрандтов его зала или когда их называли поддельными» [4].- «He hung in a room with a bunch of other somber Rembrandts, of which he quickly grew tired. How he longed for a splash of sunlight for a touch of the gay color, smiling faces, pretty women present in other paintings with which he had occasionally spent time in other places. He would pay almost anything for a Renoir or a Picasso.

He found himself trembling in fear of his own authenticity each time the attribution of one of the other Rembrandts in his room came into question or was said to be spurious» [5, 315]. Таким образом, Аристотель как бы выходит за рамки своей жизни на картине Рембрандта, погружаясь в перипетии последующих веков. И так «доживает» до легендарной продажи картины за 2 250 000 долларов в 1972 г. Стоит заметить, что вопрос денег, всегда остро стоявший перед Рембрандтом при его жизни, как бы остается в памяти Аристотеля навсегда, и это тоже одна из интереснейших констант в образной системе романа.

Литература:

1. Экфрасис. - <https://ru.wikipedia.org/wiki/Экфрасис>
2. Поджидаева В. Г. Эффект экфрасиса в романе Дж. Хеллера «Вообрази себе картину». - <https://cyberleninka.ru/article/n/effekt-ekfrasisa-v-romane-dzh-hellera-voobrazi-sebe-kartinu>
3. Хронотоп. - <https://ru.wikipedia.org/wiki/Хронотоп>
4. Хеллер Дж. Вообрази себе картину. — www.lib.ru/INPROZ/HELLER/pict_il.txt
5. Heller J. Picture this. — Simon and Schuster Paperbacks, Rockefeller Center, 1230 Ave. of the Americans, New York, NY 10020. - 2004.

THE USE OF ALTERNATIVE METHODS OF ASSESSMENT AS A WAY TO RESOLVE THE CONTRADICTION BETWEEN: THE TRADITIONAL ORIENTATION TOWARDS ASSESSING THE KNOWLEDGE, SKILLS AND ABILITIES AND THE NEED FOR A WIDER PERCEPTION OF LEARNING OUTCOMES AS EDUCATIONAL ACHIEVEMENT

Usmonov Shokrukh,
Master's degree student
Samarkand State Institute of Foreign Languages, Uzbekistan

Abstract: Recently, qualitative changes have taken place in the content of education: the emphasis from subject knowledge of skills and abilities as the main goal of learning has been shifted to the formation of general educational competencies of students. In this regard, the approach to assessment has also changed.

Key words: assessment, language teaching methodology, English, educational competence.

The traditional method of assessment gives an answer only to the question whether the student knows or does not know a particular topic. This method is not very informative, does not record the real achievements of each individual student, and also does not provide a full-fledged opportunity for the formation of student independence in assessment. Most often, such an assessment system has a "traumatic" character, it contributes to the appearance of students who give up after the first failure, lose interest in learning.

In the new paradigm of educational standards, assessment is designed to stimulate learning, not inhibit it. Thus, the search for such an approach to assessing the achievements of students is coming to the fore, which would eliminate negative aspects in learning, would contribute to the individualization of the learning process, increase educational motivation and independence of students. The question arises before the teacher: how to do it?

The main object of assessment in the conditions of the State Educational Standard is the planned results: personal (self-determination, moral orientation, meaning formation), metasubject (regulatory, cognitive, communicative) and subject (a system of basic knowledge and a system of objective actions).

The purpose of the assessment is to evaluate both the results achieved and the process of their formation. State educational standards provide for an integrated approach to assessment and the use of a variety of methods and forms of assessment. The main emphasis is on assessing the dynamics of individual achievements of students in the process of mastering the program.

In order for the assessment to be effective, a variety of strategies and appropriate tools should be used, which will create a solid foundation for further learning, will contribute to the success of the teaching as a whole. Applying this or that strategy, you need to understand what it is aimed at, what results we want to achieve, how we help the student to think about their successes and achievements.

One such approach to assessment is formative assessment, or assessment for learning. With this approach, the role of the teacher changes, the educational process is built on the basis of cooperation between its participants. Evaluation is carried out continuously, the very process of movement towards a quality result is assessed. Part of the authority is transferred to the student, thus transforming into self-control and self-esteem.

I believe that the need for self-control and critical self-assessment of one's actions, constantly developing in the student, turns into his personal quality, which he will need in any other activity. Once formed, it becomes an integral part of his character, which in turn will contribute to the further development of the student's thinking abilities.

The main thing in a student's learning activity is the understanding of what he is studying and for the sake of what he is doing it. At the same time, I try to make the student aware of what is happening to him in the process of studying my subject, to feel his development. I try to awaken in student the desire to rise spiritually and intellectually one step higher in learning English. The most important prerequisite for this is the creation of psychological comfort for students to acquire knowledge and self-expression. The components of a positive psychological atmosphere are: mutual respect, mutual understanding, mutual enrichment of the teacher and students. With any progress of the student in the study of my subject, I don't skimp on positive emotional responses, words of encouragement. I try to instill in them confidence in myself and my abilities. I maintain a positive attitude with a variety of activities in the lesson, stimulation, creating situations of success, providing each student with opportunities for self-expression, increasing self-esteem.

And in order to track the progress of the student in the study of my subject, his success, I use in my lessons self-assessment sheets with questions that force students to analyze their work during the lesson, studying the topic. This helps them answer the questions, "What am I doing?", "What do I need to work on?" and "What do I need to do next?", "How can I bridge the gaps?"

Effective self-assessment requires:

- students' understanding of how their work and activities are assessed;
- development of critical thinking skills;
- development of objectivism;
- focusing students' attention on their goals

Thus, this grading system allows the teacher

— objectively assess the students at the end of the lesson, which is very important;

— to teach students self-assessment not only of educational activities, but also in life and professional self-determination;

— to monitor the results of students' activities, which will reveal gaps in knowledge, problems in the assimilation of the studied material by individual students, the level of their psychological and emotional mood in the lesson, and as a result — the organization of correctional work;

— to create conditions under which the student is interested not only as a result of work, but also in the very process of learning activities, which ensures a high level of learning motivation.

THE LIST OF USED LITERATURE:

1. Koroleva N.M., Semenova Yu.I. Metodika obucheniya anglijskomu yaziku mladshih Shkolnikov [Teaching English Young Learners]: Uchebno-metodicheskoe posobie [Electronic resource], Kursk: KGU, 2017.

2. Matkarimova A.I., Toshtemirov E.N. Assessment in teaching a foreign language, Molodoi uchenii, 2017, no 5, pp. 432-434.

3. Semenova Yu.I. Posobie po teorii ovladeniya inostrannim yazikom [Reference for Theory of Language Acquisition] [Electronic resource], Kursk: KGU, 2016.

4. Adair-Hauck B., Glissan E.W. and Troyan F. Implementing Integrated Performance Assessment. Alexandria VA: ACTFL. Available at: <http://www.actfl.org/publications/guidelines-and-manuals/implementing-integratedperformance-assessment>.

Методика организации полилогического общения на уроке иностранного языка

Банникова Людмила Степановна,
доцент кафедры теории и практики английского языка,
Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь
E-mail: bannikovals@mail.ru

В статье рассматривается методический потенциал социальных педагогических технологий, обеспечивающих приобретение учениками опыта социального взаимодействия средствами изучаемого языка. Обосновывается перспективность интерактивных методов обучения, позволяющих организовать учебное полилогическое общение. Описываются дискуссионные формы полилогического общения, предполагающие деятельностное участие и активное вовлечение в учебно-образовательный процесс каждого ученика.

Ключевые слова: социальные технологии, интерактивные методы, социальное взаимодействие, полилогическое общение, дискуссия, спор, полемика, дебаты, диспут.

Коммуникативный подход к обучению иностранным языкам в качестве одного из ключевых понятий выделяет интерактивные формы учебной деятельности как основу проектирования реального общения. Реализация данного понятия в учебном процессе возможна на основе только новых педагогических технологий.

Поскольку изучение иностранного языка представляет собой явление социальное, в основе которого лежит общение как учителя с учащимися, так и учащихся друг с другом, именно социальные технологии и являются наиболее перспективными для современной методики преподавания иностранных языков. «Социализация» учеников означает приобретение опыта социального взаимодействия.

Такие технологии, как дискуссионные формы полилогического общения: дебаты, дискуссия, беседа за «круглым столом», проектная, кейс-технология и некоторые другие, которые относятся к социальным, обеспечивают учащимся возможность решать на уроке реальные и воображаемые задачи совместной деятельности при помощи иностранного языка. Они предполагают использование таких задач речевого взаимодействия, которые невозможно выполнить без партнера/партнеров, а также обеспечивают три основных вида речевого взаимодействия учащихся:

- сотрудничество участников в выработке общей идеи;
- комбинирование информации, известной разным участникам;
- передача информации от одного участника к другому.

В связи с тем, что в методической литературе существует несколько синонимов понятия «дискуссия»: спор, полемика, дебаты, диспут, то необходимо четкое определение вышеуказанных форм речевого взаимодействия.

Дебаты — это формальный метод ведения спора, при котором стороны взаимодействуют друг с другом, представляя определенные точки зрения, с целью убедить третью сторону (зрителей, судей и т. д.).

Дебаты, как форма ведения спора, отличается от просто логической аргументации, которая проверяет только последовательность изложения, а также от спора о фактах, в котором интересуются только тем, что произошло или не произошло. Хотя и логическая последовательность,

и фактическая точность являются важными элементами убеждения, в дебатах одна сторона зачастую превалирует над другой посредством представления более качественного «смысла» и/или структуры рассмотрения проблемы.

В состязании по дебатам существуют особые правила ведения дискуссии, принятия решения о победившей/проигравшей стороне, а также процедуры/формат проведения. Неформальные дебаты это более обычное явление, но качество и глубина дебатов улучшается с помощью специальных знаний, умений и навыков ведения дебатов

Диспутом обычно называют публичную дискуссию, специально организованную для определенной аудитории. Имеется в виду коллективное обсуждение нравственных, политических, литературных, научных, профессиональных и других проблем, которые не имеют общепринятого, однозначного решения. В процессе диспута его участники высказывают различные суждения, точки зрения на разные события, проблемы.

Важной характеристикой дискуссии, отличающими её от других видов спора, является аргументированность. Обсуждая спорную проблему, каждая сторона, оппонировав мнению собеседника, аргументирует свою позицию.

Под дискуссией понимают коллективное рассмотрение или обсуждение каких-либо проблем, спорных вопросов. Отличительной чертой дискуссии выступает отсутствие тезиса, но наличие темы в качестве объединяющего начала. Дискуссия часто рассматривается как метод, активизирующий процесс обучения при изучении сложной темы, теоретической проблемы.

Таким образом, с одной стороны, дискуссия сближается с диспутом по формам проведения данных мероприятий, ибо это рассмотрение спорных вопросов. С другой стороны, отсутствие тезиса отличают эти два понятия. Однако, надо понимать, что учащиеся еще не имеют достаточных предметно-тематических знаний и коммуникативных умений, чтобы творчески решать поставленные перед ними задачи. Поэтому, от учителя требуется разработка тезисов в качестве опор для подготовки к дискуссии.

Использование групповой дискуссии в учебном процессе создает проблемность обучения, которая ориентирует учеников на формирование знаний, получаемых не только от учителя и из учебников, но и «добываемых» самостоятельно при решении познавательных задач.

Совершенствование коммуникативных умений осуществляется через обсуждение какого-либо вопроса в форме учебной дискуссии или беседы, или обмена высказываниями, дополняющими, уточняющими сведениями и мнениями, которые в отечественной методике соотносятся с начальными ступенями обучения. Учебные дискуссии могут играть и вспомогательную роль на этапе введения новой темы, до и после чтения текста, при заключительном обсуждении ролевых игр, проектов.

Собственно «дискуссия» относится к продвинутой ступени обучения и предполагает обсуждение спорной темы, более острое столкновение точек зрения, а также большую самостоятельность участников. В зарубежной методике термин *discussion* используется, когда перед учащимися стоит задача обсудить какой-либо вопрос или проблему, и никак не связывается с уровнем владения иноязычной речью.

Как групповой диалог (полилог) дискуссия характеризуется участием нескольких собеседников, которые обмениваются мнениями и суждениями по одному и тому же вопросу, а также дают эмоциональную оценку обсуждаемому. При недостаточно свободном владении языком учебная дискуссия строится вокруг определенной ограниченной темы (*topic-based discussion*) или на основе текста (*text-based discussion*) и носит контролируемый и предсказуемый характер. Презентация дискуссии формулирует проблематику обсуждения, которая может быть развернута в полилогическое обсуждение. Учащимся подсказывается общий ход дискуссии, предлагаются направляющие вопросы, суждения и вербальные опоры в виде отдельных высказываний, плана, логико-синтаксических схем,

лексических таблиц, реактивных и инициативных реплик, а также невербальные опоры, (например, иллюстрации).

Дискуссии могут сопровождаться заданием найти компромисс, общую точку зрения, решить поставленную речемыслительную задачу. Если между участниками распределяются роли, с позиции которых им предстоит обсудить предложенную тему или разрешить конфликтную ситуацию, то дискуссия сочетается с ролевой игрой. В дискуссии с элементами ролевой игры важное значение имеет предварительная подготовка: усвоение языкового материала, изолированная отработка элементов диалогического общения и особенностей монологической речи.

В процессе дискуссии спорная ситуация вынуждает учащихся как можно точнее формулировать свои мысли, правильно используя для этого понятия и термины. Ученики овладевают приемами доказательной полемики, заботятся об обоснованности своих предложений, подходов к решению. Ситуация спора, дискуссии на занятиях может возникнуть не только на специальных уроках-дискуссиях, а на различных этапах обычного занятия. Для этого, например, специально предлагается ученикам высказать свои мнения о причинах того или иного явления, обосновать ту или иную точку зрения.

Помимо специально организованной преподавателем дискуссии на занятии возможна и спонтанная, незапланированная дискуссия по заинтересовавшему учащихся вопросу. Важно, чтобы все участники точно знали, о чем будет дискуссия, какие вопросы выносятся на обсуждение, каковы возможные подходы к их решению.

Для успешного проведения дискуссионных форм полилогического общения учитель должен создать следующие условия:

Во-первых, выбрать интересную тему с элементами новизны.

Во-вторых, сформировать у учащихся необходимые предметно-тематические фоновые знания и дискуссионные способности.

В данном аспекте чрезвычайно важна роль преподавателя в обеспечении языковой подготовки, в формировании интерактивных навыков и умений (задавать вопросы и отвечать на них, умение вести монологическую и диалогическую речь).

Однако, в организации и проведении дебатов существуют и проблемы, главными из которых являются оптимальная активность как каждого ученика, так и коллективной работы в целом. Вторым блоком трудностей является проблема оценивания, т.к. сложно контролировать степень участия каждого ученика.

В заключение следует подчеркнуть, что формы полилогического общения — это актуальный и эффективный подход к организации процесса изучения иностранного языка на старшем этапе средней школы. Кроме того, данная педагогическая технология и её элементы способны мотивировать учеников к самостоятельному изучению иностранного языка и применению его в коммуникативных ситуациях.

Использование групповых технологий для развития коммуникации на иностранном языке

Аннанурова Бахар Амангелдиевна

Главной целью изучения иностранного языка, является формирование коммуникативных умений и навыков. Ученые и методисты разрабатывают все новые подходы, приёмы и методы обучения иностранному языку, так как в настоящее время, традиционные методы обучения практически устарели. Одним из методов обучения иностранному языку, является метод использования групповых технологий.

Находясь именно в группе, дети учатся общаться со своими сверстниками на иностранном языке. Кроме того, работа в группе помогает развитию устных навыков, так как дети находятся в постоянном контакте друг с другом. Использование групповых технологий, даёт больше возможностей для практики использования иностранного языка, так как ученикам предлагается составлять монологи, диалоги, игровые упражнения, работы в тандеме и многое другое. Ученик, находясь в группе сверстников, не только учиться говорению и аудированию, но и учиться преодолевать языковые барьеры и «боязнь сцены», так как он выступает перед большим количеством учеников.

Игра как групповая технология для развития коммуникации. Игровые методы развивают и творческие способности учеников, так как они учатся строить диалоги и общаться друг с другом в искусственно созданных условиях, но при этом максимально приближённых к реальности.

Обычно в игре нет проигравших или победивших, тем самым это даёт ученикам возможность не бояться сделать ошибку при общении, монологе или диалоге. В игре каждый ученик раскрывает свои знания и развивает их.

Проектная технология используется как одна из самых эффективных для развития коммуникации на иностранном языке. Учитель предлагает ученикам определенную тему для размышления и создания проекта. Ученики собирают необходимую информацию и создают проект. В процессе ученики развивают не только свою речь, но и творческие способности. Находясь в группе учеников, при этом защищать свой проект и слушая ответы сверстников, ученики развиваются всесторонне. Благодаря данному методу у учеников есть возможность получать информацию на иностранном языке, слышать и понимать иностранную речь.

Список литературы

1. Куклина С.С. Коллективная учебная деятельность в группе на этапе совершенствования навыков иноязычного обучения // Иностранные языки в школе. — 2000. — № 1. — С.59 — 61.
2. Митина А. Рефлексивность-игровая технология обучения // Высшее образование в России.-№ 4 / 2013. — С. 86 — 89.
3. Полат, Е.С. Метод проектов на уроках иностранного языка // Иностранные языки в школе. — 2000. — № 2. — С. 3 — 7.

Стилистика, интерпретация и различия в медленных частях первой, девятой и десятой сонат Людвига ван Бетховена

Пирвердиев Тимур Чингизович
МГК им. П.И. Чайковского, ст. преподаватель
E-mail: timurpirverdiev05@gmail.com

ВВЕДЕНИЕ

Десять скрипичных сонат Людвига ван Бетховена — одни из самых известных сочинений в данном жанре. Их регулярно исполняют лучшие скрипачи и пианисты со всего мира, они не сходят со сцен крупнейших концертных залов, звукозаписывающие лейблы постоянно выпускают пластинки с новыми записями их исполнений. Не меньшее значение имеют сонаты и в учебной практике. Вместе со скрипичными сонатами Вольфганга Амадея Моцарта бетховенские сонаты для скрипки и фортепиано являются главными примерами классической скрипичной сонаты. На них студенты знакомятся с камерной музыкой венского классицизма, ее законами и содержанием.

Тем не менее исполнение сонат Бетховена и по сей день связано с проблемой их прочтения. Можно легко запутаться в многочисленных редакциях сонат, доступных онлайн в сети Интернет и в библиотеках. Современные исследователи и издательские дома время от времени выпускают новые, критически пересмотренные версии сонат. С учетом непрекращающегося роста тенденции на аутентичность исполнения классической музыки несомненно важной представляется идея рассмотреть вопрос интерпретации скрипичных сонат Бетховена в условиях современных требований.

Данная методическая работа преследует цель рассмотреть сонаты для скрипки и фортепиано ор. 12 № 1, ор. 47 и ор. 96 Бетховена с точки зрения некоторых особенностей исполнения. Так как проанализировать полный цикл из десяти сонат в ограниченных рамках не представляется возможным, мы остановились не просто на трех сонатах, но сконцентрировались на их средних частях ввиду того, что им, как правило, уделяется меньше всего внимания по сравнению с крайними частями, в то время как именно средние части бетховенских сонатных циклов являются настоящим драматургическим центром композиции и требуют к себе не менее пристального внимания.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СКРИПИЧНЫХ СОНАТ БЕТХОВЕНА

Прежде чем приступать к разучиванию любого произведения, стоит прояснить для себя некоторые важные пункты:

1. Выбор нот — определенного издания или определенной редакции, если этот выбор существует.
2. История создания произведения — важно понимать, в каких условиях и в какой период творчества то или иное произведение было сочинено, какие произведения были «спутниками» этого сочинения (то есть сочинены примерно в то же самое время) и т. д.
3. Особенности исполнительской практики в определенный исторический промежуток, если речь идет об исполнении старинного сочинения в аутентичной манере.

История создания

В творческом наследии Людвига ван Бетховена скрипичные сонаты занимают важное значение. Обладая навыками игры на скрипке и альте, композитор создал ряд инструментальных произведений для солирующих струнных инструментов. В центре внимания предпринятого исследования 10 сонат для скрипки и фортепиано, а именно Первая, Девятая и Десятая сонаты.

Создание каждой из трёх сонат приурочено к определенным годам жизни композитора. Первая

триада сонат композитора ор. 12 была издана в 1799 году. По мнению многих исследователей, их создание относится к бонскому периоду жизни и творчества композитора. Сонаты ор. 12 посвящены одному из первых учителей Бетховена — Антонио Сальери. Премьера Первой сонаты состоялась в 1798 году в рамках концерта чешской певицы Йозефы Душек. Произведение было исполнено самим автором. В целом, говоря об истории создания Первой сонаты, следует отметить, что вплоть до сегодняшнего дня обстоятельства создания произведения малоизвестны и соната биографами и музыковедами рассматривается лишь в контексте премьерной триады.

Создание последних скрипичных сонат Бетховена относится к началу нового XIX столетия. Так, в 1802 году была создана Девятая соната для скрипки и фортепиано. Однако замысел сочинения, исходя из эскизов композитора, относится к более раннему периоду его творчества. Произведение было написано в одно время с таким масштабным сочинением композитора, как Героическая симфония, и по гениальности замысла не уступает своей сверстнице. Звучание Девятой сонаты характеризуется глубиной и страстностью выраженных чувств, могучей силой воли и пылким темпераментом. Вот уже более 150 лет Девятая соната украшает концертные репертуары великих скрипачей всего мира.

Сочинение было посвящено композитором своему современнику — Рудольфу Крейцеру (1766–1833), известному скрипачу, с которым Бетховена связывала тесная дружба. В письме к издателю Зимороку в Бонн Бетховен пишет: «Этот Крейцер — славный, добрый малый, он доставил мне много удовольствия во время своего пребывания здесь, его скромность и искренность мне милее всех «extérieur» или «intérieur» для большинства виртуозов. Так как соната (ор. 47. — Я. С.) написана для выдающегося скрипача, то и дедикация 3 вполне соответствует ему...»[1].

После создания произведения предпринималось множество попыток переложений сонаты для камерных и других ансамблей. Среди одного из наиболее оригинальных — переложение для симфонического оркестра, сделанное П. И. Чайковским. Концепция и стиль Крейцеровой сонаты раскрывается в ремарке самого композитора, предпосланной для первого издания произведения: «Написанная в концертном стиле, как бы концерт».

Музыка Десятой сонаты ор. 96, став «лирическим эпилогом сольному скрипичному творчеству Бетховена», сконцентрирована на безмятежных пасторальных звучаниях, что роднит ее с Пасторальной симфонией и Четвертым концертом.

Произведение было завершено в 1812 году, хотя первые наброски сочинения датированы 1810 годом. Первое издание произведения датировано 1816 годом. По некоторым утверждениям, соната была написана для известного французского скрипача Ф. Роде. Сочинение венчает цикл бетховенских скрипичных сонат. Относясь к зрелому периоду творчества венского классика, произведение является вершиной скрипичного творчества композитора. Во многих исследованиях отмечается субъективно-отвлеченный характер произведения, что позволяет говорить о предвестниках романтических черт в мировом скрипичном наследии. Показательной в этом плане является характеристика произведения О. Рупертус, отмечающей: "Вся соната может рассматриваться как изображение человека, который находится вне жизненных бурь и в философском спокойствии и отрешенности взирает на суетный мир«[2].

Общая характеристика композиции

Классический стиль сонат обусловил особенности их композиции и драматургии. Как принадлежащим к классической эпохе сонатам свойственны композиционная четкость и взвешенность каждой детали. Три сонаты представляют собой многочастные инструментальные циклы. В Первой и Девятой сонатах Бетховен опирается на трехчастную структуру по принципу «быстро — медленно — быстро». Средняя часть написана в обоих случаях в форме темы с вариациями. Несмотря на визуальное сходство композиции, Первая и Девятая сонаты кардинально отличаются друг от друга: если для Первой ориентиром можно считать прозрачный классический моцартовско-

гайдновский прототип сонаты, то драматургическая логика Девятой позволяет проводить параллели с Героической симфонией (чему способствуют такие элементы, как, например, важность вступления в формировании интонационного облика композиции). Уже в Первой сонате Людвиг ван Бетховен обращается к принципу монотематических связей в драматургии произведения. Так, например, в фортепианную партию 4-й вариации 2-й части проникают мотивы из 1-й части сонаты (9 —10-й такты фортепианной партии).

Десятая соната отличается опорой на четырехчастную структуру цикла, близкую скорее жанру симфонии. Это отражается в помещении в центр композиции медленной части и следующего за ней скерцо. Параллели с симфониями рождает и финал Десятой сонаты в форме вариаций, а не более привычной рондо-сонаты или рондо. Подобное разрастание композиции, вероятно, обусловлено пасторальным настроением цикла: его неспешное философское и эпическое развитие без острых драматических коллизий, свойственных таким сочинениям, как, например, Крейцера соната.

Стилистика вторых частей произведений

Вторая часть Первой сонаты написана в форме вариаций. Обращение к вариационной форме в Первой сонате является предвосхищением гениальных вариаций Бетховена во 2-й части Крейцеровой сонаты. 4 части вариаций темы Первой сонаты последовательно раскрывают образ главной темы с разных сторон:

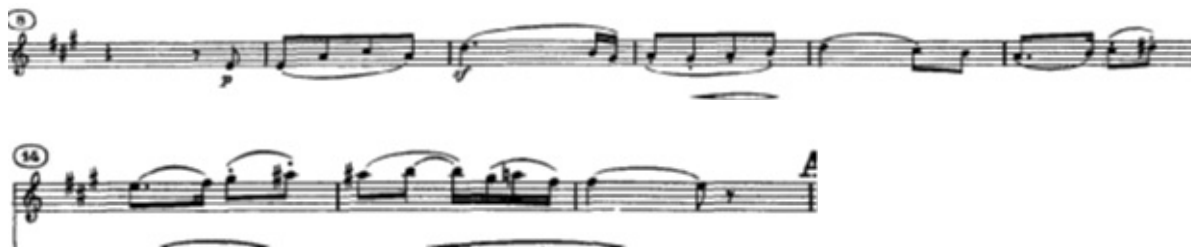
2-я вариация: беззаботное и жизнерадостное настроение,

3-я вариация: душевное беззаботное настроение,

4-я вариация: интимное переживание и лирический диалог.

Основная тема сонаты написана в духе певучей и незатейливой мелодии с мягкими и округленными окончаниями мелодических фраз. По своему характеру и внутреннему содержанию она контрастирует с крайними частями произведения. Тема сначала излагается у фортепиано, а затем у скрипки (*Пример 1*):

Пример 1

В 1-й вариации тема излагается у фортепиано. Её характерной особенностью выступает воздушная и прихотливая ритмика как у солиста, так и в фортепианной партии (*Пример 2*):

Пример 2

Во 2-й вариации мелодия излагается уже у солиста. Опираясь на основные интонационные обороты основной темы, музыкальное звучание обрывает хроматическими интонациями, форшлагами и украшениями (*Пример 3*):

Пример 3

3-я вариация имеет контрастное звучание темы по отношению к предыдущим. Звучание основной темы окрашено драматизмом. Тема звучит в миноре взволнованно и эмоционально напряжённо. Преобладающие шестнадцатые длительности и движение триолями подчёркивают импульсивно-взволнованную окраску тематизма (Пример 4).

Пример 4

Завершающая 2-ю часть 4-я вариация характеризуется обобщённо-итоговым характером своего содержания. В эмоциональном диалоге фортепианной и солирующей партии слышатся ноты патетики и эмоционального накала — черты, характерные для позднего стиля бетховенского письма (Пример 5).

Пример 5

В завершающих репликах солирующей скрипки слышится успокоение и умиротворение.

Девятая соната отражает эволюцию стиля композитора. Так, сравнение стилистики вариаций в Первой и Девятой сонатах делает очевидной разницу композиторского стиля, связанную с разницей творческих периодов, которым они принадлежат.

Вариации в Девятой сонате прежде всего масштабнее. На их стилистику повлияла и изначальная задумка композитора о создании сонаты в концертном стиле, о чем свидетельствует заголовок к первому изданию сонаты: «Sonata scritta in uno stillo molto concertante, quasi come d'un concerto» — «Написанная в концертном стиле, как бы концерт». Неслучайно исследователь бетховенских скрипичных сонат Я. Л. Сорокер когда-то обозначил вариации Первой сонаты «пробой пера» перед вариациями Девятой^[3] — настолько преобразился жанр темы с вариациями в сонатном цикле. От прошлой скромности выразительных средств, классической галантности и уравновешенности

не осталось и следа. Вариации Девятой сонаты продолжают линию драматургического развития, заданную еще в первой части: им также свойственны сквозное развитие, отход от простого украшения мелодии, постепенная индивидуализация отдельных вариаций — всё то, что впоследствии будет развиваться композиторами-романтиками. Именно в этой части лучше всего видна и концертность сонаты: скрипичная партия виртуозна, изобилует различными эффектами, но при этом не является одним из типичных примеров тех парадных вариаций, созданных скрипачами-виртуозами для демонстрации своих возможностей: каждый эффект оправдан и имеет конкретную цель, а в их количестве чувствуется мера.

Интересно, что описанные трансформации относятся в полной мере к внутреннему наполнению вариаций. Их внешний облик всё также остается классическим и не рушит каноны избранной формы. Тема вариаций написана в простой двухчастной форме с повторением частей, и эта форма сохраняется на протяжении всей части за исключением коды. Повторения частей Бетховен иногда выписывает (как в проведении собственно темы), иногда обозначает знаками репризы. Выписанные повторения он использует, как и в Первой сонате, для того чтобы поручить проведение темы каждому из инструментов. Так, тема вариаций звучит сначала в партии фортепиано, а затем скрипки (эта схема проведения относится и к середине с репризой двухчастной формы). К приметам классических вариаций относится и опора на технику диминуции — постепенного ритмического уменьшения длительностей от вариации к вариации, а также включение минорной вариации как контрастного центра. Наконец, тональный план части остается в рамках классической формы: все вариации написаны в одном ладу *f* (тема и большая часть вариаций в *F-dur*, минорная вариация в *f-moll*). Эти замечания очень важны, так как каким бы Бетховен ни был безусловным новатором музыкальной ткани, он всегда оставался классиком^[4].

Основная тема вариаций звучит в партии фортепиано и имеет структуру трёхчастной репризной формы: *Aba*¹. Отметим, что уже в трактовке типа вариаций Бетховен демонстрирует своё мастерство и новаторский взгляд на развитие формы, прибегая к типу симфонизированных вариаций, предвосхищая тем самым романтические вариации Шумана, Брамса и других композиторов. Основная тема вариаций (см. Пример 6) имеет спокойный и умиротворённый характер и воспринимается как миг успокоения после взволнованной и страстной 1-й части.

Говоря о симфоничности мышления композитора, позволим себе привести следующий пример. Тема вариаций в нежном, умиротворенном характере вносит контраст к буре эмоций в первой части сонаты. В ней чувствуются интонации хора — в аккордовой фактуре в партии фортепиано, плавности движения мелодии без широких скачков и ритмических разрывов, закругленности фраз и вообще очевидно вокальной природе темы. С другой стороны, уже в проведении темы слышатся и танцевальные интонации, как, например, в намеренно акцентированной синкопе (*sf*).

Пример 6

По своему характеру тема сочетает в себе как танцевальное, так и хоральное жанровое начало. Первое проявляется в изложении темы у партии солиста аккордовой фактурой с мерным статичным сопровождением в партии баса. Танцевальный же элемент темы выражен в использовании синкопированной ритмики и штриха *staccato*, подчёркивающего лёгкий и игривый характер темы.

После экспонирования темы у партии фортепиано она излагается в партии солиста.

Выразительность и грациозность звучанию темы придадут трели, которые появляются в окончании фраз как в партии фортепиано, так и у солирующей скрипки.

Последующее развитие, пусть и опирающееся на традиционные классические приемы орнаментальных вариаций, будет в некоторой степени напоминать и о жанровых вариациях из музыки романтиков. Так, танцевальность, в некоторой степени скерцозность, проявит себя в полной мере в первых двух вариациях, а начиная с третьей вариации, Бетховен будет развивать вокальную природу темы, доведя ее до кульминации в завершающей коде, которую Я. Л. Сорокер небезосновательно уподобил вокальной сцене^[5].

1-я вариация (*F-dur*) при сохранении структуры трёхчастной формы опирается на орнаментальное развитие мелодической линии. Тема обрастает всякого рода украшениями — мордентами, триолями шестнадцатых длительностей и т. д. Тема изложена в партии фортепиано. Преобладание в ней штриха *staccato*, трелей и специфического аккомпанемента «бас-аккорд» подчёркивает танцевальный характер темы (см. Пример 7).

Пример 7

Партия солиста не имеет мелодического начала и опирается на репетиции на одном звуке, изложенные в верхнем регистре.

2-я вариация ещё более орнаментальна по своей природе. Репетиции в партии солиста становятся всё более активными, а мелодическая линия более орнаментальной. Интонации темы растворяются в фигуративном движении партии солиста в скрытом двухголосии (см. Пример 8).

Пример 8

Особенно ярко выраженным развивающий характер тематизма становится в среднем разделе простой трёхчастной формы.

В характере тематического материала Бетховен демонстрирует богатые виртуозные возможности солирующей скрипки. Блестящие пассажи, с одной стороны, имеют виртуозный характер, а с другой стороны — гибко и завуалированно преломляют интонации темы.

С проведением 3-й вариации тема модулирует в параллельный минор (*f-moll*). Тема, изложенная у солирующей скрипки, уже мало что общего имеет с экспозиционным проведением. От неё остаются лишь контуры и очертания, которые виртуозно вуалируются солистом в мордентах и опеваниях при сохранении контура тонально-гармонического плана (см. Пример 9). Гармонические переходы

и подчёркнутые каденционные обороты делают гармонию одним из главных средств выразительности в данной вариации.

Пример 9

Итогом развития основной темы, несомненно, является завершающая 4-я вариация (*F-dur*). По своим масштабам она является наиболее развёрнутой и в отличие от 1-й, 2-й, и 3-й вариаций не укладывается в структуру простой трёхчастной репризной формы, представляя собой свободное построение. Тема звучит нежно, а её характер изложения имеет фантазийно-импровизационный характер (см. Пример 10).

Пример 10

4-я вариация представляет собой редкий образец тематизма изобразительного характера Людвига ван Бетховена, который изобилует трелями, пиццикатто, тембровыми переливами.

В завершение проведения вариаций в партии солиста звучит страстный и патетический монолог. Выразительные агогические отступления и яркая динамическая партитура делают данное краткое высказывание выразительным и выделяют его своим пламенным характером из общего фона звучания тематизма (см. Пример 11).

Пример 11

Вариации 2-й части Сонаты № 9 завершаются масштабной и развёрнутой кодой.

Последняя, **Десятая скрипичная соната**, как говорилось выше, является итогом скрипичного творчества Людвига ван Бетховена. Произведение предвосхищает лучшие образцы романтической скрипичной литературы по своему образному строению и стилистике. Романтическую направленность произведения подчёркивали многие исследователи творчества композитора. Так, В. Ферман пишет, что в сонате «...намечаются черты «позднего»

бетховенского стиля: близкий к романтикам (Шуману) импровизационно-лирический характер изложения, острейшие контрасты *adagio* и *scherzo*, финальные вариации, построенные на теме народно-песенного склада — одновременно живой, веселой и нежно-грустной»[6].

2-я часть Десятой сонаты — *Andante espressivo (Es-dur)* — образец сосредоточенной,

сдержанной лирики Бетховена. Она имеет отпечаток субъективной лирики, размышления. В отличие от предыдущих рассмотренных нами ранее сонат, композитор обращается здесь к старинной форме арий «Да саро».

1-я часть (A) — 11–20-й такты.

2-я часть (B) — 21–38-й такты.

3-я часть (A) — 38–53-й такты.

Кода — 54–67-й такты.

Основная тема написана в духе хорала (см. Пример 12).

Пример 12

Глубина и богатство содержания темы обусловили широкий спектр музыкально-выразительных средств, которые использовал Людвиг ван Бетховен для создания философско-отвлечённого образа. Так, одним из главных средств музыкальной выразительности при экспонировании темы являются гармонические краски: композитор использует неспешные перетекания из одной гармонии в другую, что подчёркивает сосредоточенно-созерцательный характер темы. Помимо гармонического своеобразия, выразительность звучанию основной темы обеспечивает мерная ритмика с мягкими оборотами пунктирного ритма, что также придаёт теме философично-возвышенное начало.

После экспонирования основной темы вполголоса начинает звучать лирический «ответ» солиста, который, в свою очередь, характеризуется большей экспрессией и эмоциональной выразительностью. Virtuозные пассажи тридцать вторыми длительностями в окончании фраз свидетельствуют о более оживленном характере солирующей партии, противопоставленному мерному внутреннему развитию партии фортепиано (см. Пример 13).

Пример 13

2-й раздел 2-й части Сонаты (21–38-й такты) экспонирует новый тематический материал, оттеняющий характер звучания главной темы. Данная тема характеризуется ярко выраженным канителенным звучанием и интонационной гибкостью. Бетховен раскрывает здесь певучий характер

скрипичного тембра. Протяжённый скрипичный пассаж выполняет функцию предыкта к репризе, которая, в свою очередь, носит варьированный характер. Она изложена в репризном проведении у партии солиста. В отличие от экспозиционного раздела формы, тема характеризуется орнаментальным характером звучания. Её интонации растворяются в активных мелодических фигурациях и распределены в разных пластах музыкальной фактуры (см. *Пример 14*).

Таким образом, необходимо отметить тот факт, что каждая из трёх проанализированных сонат отражает эволюцию стиля и композиторского мышления Людвига ван Бетховена. По мере приближения к позднему этапу своего творчества композитор демонстрирует стремление к симфонизации камерного жанра. Даже в рамках вторых частей своих скрипичных сонат композитор прибегает к интенсивной разработке тематического материала, при котором элементы темы могут даже «теряться» в развитии музыкальной ткани произведения. Во всех трёх сонатах Бетховен демонстрирует внимание к гармоническому языку, используя мерные переходы гармоний из одной в другую, акцентируя и повторяя выразительные гармонические обороты.

Выбор нот

Важным пунктом в разучивании любого произведения является выбор нотных источников.

Сонаты для скрипки и фортепиано сегодня не только прочно вошли в репертуар концертирующих исполнителей, но и стали основой педагогического репертуара для учащихся музыкальных колледжей и вузов. Несмотря на достаточную изученность скрипичных сонат в научно-исследовательской литературе, вопросы содержания редакций скрипичных сонат Бетховена до настоящего времени не освещены. Одной из немногочисленных попыток сравнить существующие редакции сонат для скрипки Людвига ван Бетховена являются исследования Ж. Сигети. Вместе с тем многие из рассмотренных автором редакций сонат отечественным исполнителям попросту не известны. Данный факт актуализирует вопрос о редакциях сонат Бетховена.

Зачастую обращение к той или иной редакции скрипичных сонат Бетховена связано с фактическим наличием тех или иных редакций в консерваторских или училищных библиотеках. Это обстоятельство не может не сказываться как на качестве преподавания, так и на уровне прививаемого студентам чувства стиля и вкуса в решении целого ряда важных и сложных проблем подхода к бетховенскому тексту.

Отсутствие Urtext'a, академического издания даже в крупных библиотеках страны (например, в музыкальном отделе Ленинградской публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) затрудняет возможность сравнения и выбора редакции для определенной цели, мешает выработке критического отношения к различным редакциям.

К сожалению, из всех известных бетховенских скрипичных сонат мы обладаем манускриптом лишь к Девятой. Первоначальным источником информации об остальных опусах служат их первые издания: Первая соната была опубликована в Вене (1799, Artaria), Девятая — в Бонне (1805, Simrock), Десятая — в Вене (1816, S.A. Steiner & Co). Как известно, Бетховен стремился к четкой фиксации своей музыки с помощью нотации и обозначений и требовал от музыкантов беспрекословного следования им. В данном случае встает вопрос о том, что в нотах действительно соответствует желаниям композитора, а что является дополнением редакторов. Актуальность этого вопроса подчеркивает появление критически пересмотренного издания всех скрипичных сонат, выпущенного в 2020 году немецким издательством Bärenreiter совместно с исследователем Клайвом Брауном. Оно включает в себя, помимо исторически выверенного уртекста, приведенного в максимально возможное соответствие с оригинальным текстом, обширные комментарии Брауна о практике исполнительства во времена Бетховена и об авторских обозначениях. Что особенно важно для исполнителей — скрипичная партия издана в двух вариантах: в качестве уртекста и в редакции Брауна в соответствии с авторскими обозначениями и принятой исполнительской практикой.

Тем не менее обращение к выверенному музыкальному тексту может быть затруднительно:

новейшие европейские издания не всегда доступны в России, и учащиеся по привычке пользуются старыми изданиями — теми, что доступны в библиотеках. Как известно, каждая редакция нотного текста, особенно когда речь идет о редакциях известных музыкантов, — это попытка зафиксировать определенную интерпретацию музыкального произведения, которая, в свою очередь, зависит от личных вкусов и характера музыканта, а также от исполнительской моды во времена создания редакции. Сейчас всё больше и больше набирает обороты тренд на аутентичное исполнение (то есть максимально приближенное к оригинальному тексту и принципам исполнения во время создания сочинения), а в первой половине XX века восприятие музыки Бетховена было совершенно иным. Именно поэтому, например, критическое изучение различных редакций предпринимается в отношении фортепианных сонат композитора^[7]. Аналогичный подход важен и для скрипичных сонат, представляющих не меньшую ценность как репертуарных произведений, не сходящих со сцены и из учебной практики, поэтому мне кажется необходимым кратко рассмотреть вопрос редакций скрипичных сонат, чтобы описать то, с чем юные исполнители могут столкнуться при обращении к той или иной редакции.

Каждая из сонат была многократно переиздана различными издательскими домами в сотрудничестве с многочисленными скрипачами, выступавшими в качестве редакторов. Например, и по сей день в ходу ноты из первого полного собрания сочинений (Лейпциг, 1860-е), несмотря на то, что оно уже очевидно морально устарело. Среди редакторов скрипичных сонат можно встретить имена Ф. Давида (1870), Й. Иоахима (1901), Л. Ауэра (1917), Ф. Крейсера (1911, 1974), Д. Ойстраха (1974) и многих других.

Как правило, принято считать, что самыми приближенными к авторскому видению обычно являются те редакторы, кто являлся современником или хотя бы младшим современником композитора. Это связано прежде всего с тем, что в их редакциях может быть запечатлен вариант, максимально приближенный к исполнительской практике, принятой в ту эпоху. Особенно ценны для нас и возможные персональные контакты музыкантов — такие, как, например, в случае с К. Черни, который был учеником Бетховена и оставил комментарии к его сонатам.

К сожалению, ни один из скрипачей, с кем сотрудничал Бетховен, не оставил каких-либо замечаний к исполнению его сочинений (например, относительно аппликатуры, штрихов или динамики), за исключением нескольких отдельных обозначений аппликатуры, оставленных другом композитора И. Шуппанцигом^[8]. Именно поэтому первые редакции, которые могут быть приближены к исполнительской практике начала XIX века, принадлежат Ф. Давиду (1810–1873) и Й. Иоахиму (1831–1907). Тем не менее исследователи отмечают, что редакция Ф. Давида, изданная в 1870-х годах издательством Peters, будучи хоть и первой полноценной редакцией, вероятно, опирается больше на личный стиль и выбор технических средств, нежели на вероятные указания композитора.

Отсутствие Urtext'a и академического издания в некоторой мере восполняют находящиеся в нотном отделе Ленинградской публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина перепечатки трех сонат ор. 12.10 и сонаты ор. 24.11. Они датируются (предположительно) 1816 (ор. 12) и 1824 (ор. 24) годами, следовательно, хронологически занимают место между прижизненными изданиями и редакцией Й. Иоахима. Изучение этих текстов подтвердило правильность избранной нами методики. Вычлененный нами текст совпал (незначительные изменения в орфографии оговорены в комментариях польского издания), что дало нам возможность использовать такой метод и для анализа других сонат.

Как известно, Бетховен весьма тщательно записывал нотный текст и исправлял ошибки и неточности в выходящих из печати сочинениях. Показательна в этом отношении корректура виолончельной сонаты ор. 694. Нет оснований предполагать, что скрипичные сонаты были менее тщательно проверены автором при подготовке их к печати. Поскольку при жизни Бетховена были изданы все скрипичные сонаты, то проблема Urtext'a (следовательно, и текстологической редакции) не стоит так остро, как, например, в сонатах Иоганна Себастьяна Баха.

Наличие Urtext'a является основой для исполнительских и педагогических редакций. Иногда бывает затруднительно провести грань между ними. Это связано с тем, что выдающиеся исполнители часто были и крупными педагогами, основателями школы. Их редакции являются обобщением как исполнительского, так и педагогического опыта. Интересно отметить, что вышеназванные редакции XIX века принадлежали в основном скрипачам, и редактировалась, естественно, только скрипичная партия. В настоящее время появились редакции, принадлежащие сложившимся дуэтам (Б. Войтович — Т. Вронски, Д. Ойстрах — Л. Оборин), где каждый из партнеров редактирует свою партию.

В настоящее время наиболее распространены четыре редакции сонат, которые широко используются в концертной и учебной практике. Это редакция, сделанная немецко-венгерским скрипачом прошлого века Й. Иоахимом, изданная в нашей стране в 1930-е годы, а в последнее время известная по изданию лейпцигской фирмы "Петерс"[9]; широко распространенная редакция Л. Вейнера, изданная в Венгрии в начале 1960-х годов; польская редакция, изданная в 1978 г.⁸; и, наконец, редакция Д. Ойстраха и Л. Оборина, изданная к 200-летию со дня рождения Бетховена[10].

За исключением венгерской все перечисленные редакции имеют много общего. И это неслучайно: в основу редакций Ойстраха — Оборина и Войтовича — Вронского (как они указывают в своих предисловиях к редакциям) положен Urtext: издание под ред. В. Ламме и К. Шефнера (изд. Хенле, Мюнхен-Дуйсбург, 1955). Кроме того, текстологическим источником оборинской редакции является издание под редакцией Иоахима, академическое издание полного собрания сочинений (изд. «Брейткопф и Хертель», серия XV).

В результате в этих трёх редакциях есть полное совпадение всех компонентов текста: звуковысотности, артикуляции, динамики, темповых обозначений. Всё это свидетельствует о выверенности текста, тщательности редакторской работы и критическом отношении к недостоверным редакциям. Те разночтения, которые присутствуют в этих редакциях, следует рассматривать как различные пути решения исполнительских задач.

В предисловии к польскому изданию, его авторы [11] обозначали сферу своей редактур, затронув такие аспекты нотного текста, как:

— аппликатура,

— иной, более рациональный характер распределения материала между руками с целью облегчения пианистических трудностей,

— метрономические указания темпа.

В редактуре, сделанной Ойстрахом и Обориным, все замечания редакторов, среди которых и педаль, внесены в текст мелким шрифтом. Таким образом, редакции отечественных скрипачей характеризуются наличием авторского текста и редакторских указаний. Такой тип редактур облегчает выявление авторского оригинального текста и редакторские новшества. В этом плане наиболее неудачной редакцией скрипичных сонат Бетховена явилась редакция, сделанная Л. Вейнером (1885–1960) — известным венгерским скрипачом и педагогом. Музыкант неоднократно обращался к редактированию сонат Бетховена. Являясь преподавателем по классу камерного ансамбля в Высшей школе музыкального института им. Листа в Будапеште, в редакциях сонат Л. Вейнер предпринял попытку обобщения своего педагогического опыта. Однако венгерский музыкант осуществил редактuru лишь восьми из десяти сонат Бетховена. Поэтому в свете предпринятого исследования обратимся к редактуре Первой скрипичной сонаты композитора.

Предпринимая попытку осуществления редактур сонат, Вейнер ориентируется на романтические традиции, заложенные исполнительской практикой и эстетикой XIX столетия. В то же время, как отмечает С. Сухов, Лео Вейнер никогда не являлся активно концертирующим музыкантом и при работе над редакциями оперировал прежде всего своим педагогическим опытом. Поэтому редакция Первой сонаты Лео Вейнера характеризуется субъективностью и отсутствием

строгих канонов академического исполнительства[12].

С точки зрения артикуляции в Первой сонате Вейнер часто изменяет длину лиг, выставленных Бетховеном. Продлевая лиги за пределы такта, музыкант стремится приблизиться к естественной «вокальной» фразировке, что способствует избеганию потактовых лиг. Мотивные лиги Вейнер часто объединяет общей лигой, и наоборот, длинные лиги, объединяющие несколько тактов, Вейнер намеренно дробит на более мелкие мотивы и фразы.

Стремясь облегчить задачу исполнителя, в своей редакции Вейнер меняет и обозначения артикуляции. Однако, преследуя педагогические задачи, Вейнер достаточно часто искажает замысел Людвиг ван Бетховена. Так, например, в Первой сонате Бетховен намеренно подчёркивает штрихи *Legato* и *non legato*, сопоставляя их в экспонировании темы вариаций. Редакция Вейнера предлагает в экспонировании темы сплошную лигу. Таким образом, штриховое сопоставление, выявляющее индивидуальный характер звучания темы, нивелируется. Помимо артикуляционных изменений, Вейнер вносит в редакцию Первой сонаты изменения.

Редакция Йозефа Иоахима является характернейшим примером творческого освоения бетховенского наследия. Крупнейший скрипач XIX — начала XX века Иоахим отличался строгостью исполнительской манеры, которая явилась реакцией на «эмоциональные» виртуозные преувеличения скрипачей-романтиков. Поэтому неслучайно, что его редакция скрипичных сонат Бетховена оказалась классической работой, очистившей текст Бетховена от множества чуждых ему наслоений. Хотя некоторые аппликатурные приемы, возможно, устарели к сегодняшнему дню, сам текст в этой редакции представляется достаточно бесспорным. Использование ее в учебной практике, в отличие от редакции Вейнера, вполне приемлемо.

Наиболее распространённой в отечественной исполнительской практике явилась редакция сонат, предпринятая Д. Ойстрахом и Л. Обориным. Опираясь на реакции Иоахима и Urtext, эти замечательные советские артисты и педагоги создали редакцию, которая сочетает бережное отношение к авторскому тексту с четко выявленной педагогической направленностью. Несомненно, громадный исполнительский опыт также нашел свое отражение в редакции. Все редакторские указания, касающиеся педали, динамики, штрихов, проставлены таким образом, что они, нисколько не нарушая бетховенский текст, предлагают в то же время конкретные рекомендации, вполне соответствующие современному уровню музыкальной педагогики.

Последней существующей редакцией скрипичных сонат Бетховена явилась редакция 2020 года, осуществлённая Кливом Брауном. Особую ценность данной редакции придают исторические ссылки и развёрнутые исполнительские комментарии по каждому из произведений.

Исполнительские указания

В оригинале нотного текста *Первой скрипичной сонаты* Людвиг ван Бетховен для темпа *Andante con moto* выставляет значение 92. Однако многие исполнители, например, Мошелес и Крамер (108), Черни — Вортраг (108), Черни — Симрок (104), демонстрировали отклонение от данного темпа и ускоряли внутреннее движение. В то же время исполнение каждой из вариаций также может иметь некоторые индивидуальные отличия ввиду их характера. Так, 2-я вариация может исполняться немного медленнее, а третья, наоборот, быстрее. 4-я вариация предполагает возвращение к начальному темпу.

В плане динамики партитура сонаты также может иметь индивидуальную трактовку. Так, например, выставляя динамику «р», композитор требует от исполнителей различных градаций данного оттенка. Индивидуальная трактовка динамических указаний солистами предполагает возможную асинхронность, что придает звучанию вариаций романтический характер.

В разных редакциях приведены различные варианты трактовки партии солирующей скрипки, а именно штрихи и артикуляционные приёмы. Так, например, ноты и аккорды *portato* могут звучать с некоторым замедлением темпа. Первый звук может быть сыгран с лёгким арпеджированным приёмом,

что позволит оттянуть начала фраз и мелодических мотивов. Указания *tenuto* предполагают также возможность агогического акцентирования. Смена штрихов и способов исполнения, правильное расставление акцентов могут способствовать изменению темпа звучания каждой из четырех вариаций.

Важное внимание при работе над нотным текстом сонаты необходимо уделять тембровой окраске звука солирующей скрипки. В исторической практике исполнения вариаций Первой скрипичной сонаты Бетховена оформились две тенденции работы над скрипичным тембром. Первая тенденция связана со стремлением исполнителей к красочности и богатству звучания инструмента и использованием приёма *portamento*. К данному направлению исполнения примкнули такие исполнители, как Алард, Зингер, Ауэр, Бродский, Халир, Розэ, Крейслер. К ровному тембру и прямому характеру звучания скрипки тяготели в интерпретации 2-й части сонаты такие музыканты, как Давид Иоаким и Герман Сейбольд. Таким образом, отметим, что представители немецкой скрипичной школы стремились к простоте и безыскусности исполнения темы и вариаций. Начиная с XVIII столетия исполнители солирующей партии активно используют при исполнении сонаты выразительные возможности штриха *portamento*, однако в то же время крайне редко используют *vibrato*, не стремясь к излишней экспрессивности в выражении чувств и настроении вариаций.

Темповое решение при исполнении *Девятой скрипичной сонаты* Людвига ван Бетховена характеризуется единодушием в сложившейся исторической практике. При указании темы *Andante con Variazioni* композитор выставляет значение метронома, равное 88. Такой медленный темп в своём звучании, приближенный к *Adagio*, обусловлен тем, что в нотном тексте вариаций встречаются мелкие длительности — 32 и даже фигуры 64. В то же время, по предположению Бетховена, исполнение каждой вариации сонаты должно было иметь свой темп, который, в свою очередь, должен звучать ненамного быстрее и ненамного медленнее, чем основная тема.

В предыдущих разделах анализа было выявлено, что важное художественно-выразительное значение в нотном тексте вариаций играют трели. В исполнительской практике были сформированы некоторые каноны исполнения данных трелей. Так, согласно инструкциям Черни, приведённым в редакции сонат 2020 года, трели должны предшествовать непосредственному звучанию основного тона и сама трель должна начинаться в опоре на верхний тон. Данный тип исполнения был характерен для скрипачей — современников Бетховена. Однако после 20-х годов XX столетия практика исполнения трелей в сонатах Бетховена несколько изменилась. Начало и содержание звучания трели в редакциях данного периода не расписывались.

При работе над трелями важное внимание необходимо уделить аппликатуру, так как именно правильная и выверенная аппликатура поможет исполнить трель выразительным и богатым по звучанию тембром.

Редакторы — современники Бетховена обеспечивают одинаковую аппликатуру для исполнения трелей. Однако в XIX веке аппликатурные каноны исполнения трелей были изменены, что позволяло с каждым новым проведением звучания трели усиливать выразительный эффект и «играть» динамическими оттенками.

Огромное внимание при работе над 2-й частью Девятой скрипичной сонаты Бетховена необходимо уделить также метроритмическому единству. Партия солиста включает в себя различные ритмические фигуры, среди которых синкопы, восьмая и две шестнадцатые, ровное движение восьмыми длительностями, а также острые фигуры пунктирного ритма с тридцать вторыми. Репетиции тридцать вторых и неполные фигуры триолей могут способствовать тому, что исполнение данной части сонаты будет характеризоваться ритмической неровностью. Уделение солистом внимания метроритмической стороне произведения будет способствовать целостному исполнению, созданию ансамблевого звучания.

В 3-й и 4-й вариациях в партии солиста встречаются технически виртуозные и сложные эпизоды,

связанные с исполнением пассажей и фигураций. Для того чтобы исполнить данные эпизоды выразительно, необходимо уделить внимание точной и удобной аппкатуре, технике смены позиций и распределения смычка, интонационной точности исполнения секундовых хроматических интонаций.

Таким образом, вариации Девятой сонаты характеризуются большим разнообразием в содержании тематического материала и требуют от солиста внимания к различным сторонам исполнительского процесса, среди которых:

- исполнение трелей и репетиций,
- уделение внимания метроритмическим особенностям,
- преодоление аппкатурных и позиционных сложностей,
- стремление к тембровой и интонационной выразительности.

Не менее сложна с точки зрения преодоления исполнительских сложностей и партия солиста в последней, *Десятой скрипичной сонате Бетховена*. 2-я часть написана в темпе Adagio, при этом в ряде редакций темповое обозначение приводится с некоторым уточнением — «Adagio molto espressivo». Однако в то же время некоторые исполнители и редакторы немного сдвигают темповые рамки исполнения части. Так, наиболее медленное прочтение звучания 2-й части сонаты демонстрирует Мошелес, в то время как самое быстрое исполнение принадлежит Аларду.

Характер исполнения 2-й части Десятой сонаты определяется не только темповым обозначением, но и различными указаниями композитора в плане приёма и способа исполнения. Так, предвзяв вступление солиста, композитор ставит ремарки «sotto voce» и «mezza». Таким образом Бетховен обращает внимание исполнителей на вокальный характер интонирования в данной партии. Помимо этого, композитор приводит и иные ремарки, на которые следует обратить внимание исполнителю: «espressivo», «dolce». Отметим, что такая тщательная градация характера исполнения во многом способствует созданию целостного образа в музыкальном произведении. Одной из главных задач исполнителя в данной части является широкое исполнение кантилены в партии солиста. В редакциях XX столетия тщательно выписаны широкие лиги, определяющие как характер исполнения, так и длительность развёртывания вокального повествования.

На первый план перед солистом здесь выходит задача воплощения певучести скрипичного тембра. Поэтому следует уделить внимание не только технике правой руки (ведению смычка, непрерывному ровному и плавному звуку), но и качеству перехода от одного звука к другому, за который отвечает левая рука скрипача. Аппкатурные задачи также не менее актуальны для исполнения выразительной кантилены. Стремясь к плавному соединению, солисту не следует приближаться к глоссандированию. Напротив, мелодика скрипичной партии крайне богата различными штрихами, мелкой фразировкой, указывающей на способы артикуляции.

Исполнение кантилены ставит перед солистом задачу звуковедения. Необходимо следить за тем, чтобы звучание было очень ровным, сфокусированным. Ни переходы в левой руке, ни смены струн, ни вибрация не должны этому помешать. Обязательный слуховой контроль позволит качественно отработать этот навык. Ровность в звуке поможет сделать правильную фразировку и динамику, разнообразить её. Обязательно нужно следить за тем, чтобы смычок находился в одной игровой точке и не выходил за её пределы, это поможет сделать звук более сфокусированным.

Необходимо также отметить, что ритмическая сторона произведения определяет его своеобразие. Композитор использует нетрадиционное деление длительностей, междутактовые синкопы и движение триолями, что смещает акценты между тактами. Между тем солист должен чувствовать на протяжении всего произведения метрическую пульсацию сочинения, для того чтобы не потерять ансамблевое единство с оркестром и сохранить внутреннее движение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предпринятом исследовании мы подробно остановились на методико-исполнительском

анализе медленных частей Первой, Девятой и Десятой скрипичных сонат Бетховена. Данный выбор был обусловлен тем, что, как правило, объектом комплексного исполнительского анализа сонат Бетховена становятся первые части, имеющие наиболее сложную структуру и организацию, которая обусловлена диалектикой сонатной формы. Вместе с тем вторые части скрипичных сонат Бетховена продолжают намеченный драматургический план развития, и поэтому их анализ обусловлен запросом исполнительской практики. Нами было выявлено, что каждая из проанализированных сонат является этапным произведением в творчестве Бетховена и отражает эволюцию его стиля, мышления в области формы и содержания. Так, от построенной на классических канонах Первой сонаты, относящейся к раннему периоду творчества композитора, мы приходим к романтической по своей направленности и содержанию Десятой сонате.

Все три сонаты прочно закрепились в исполнительской практике. Однако вплоть до настоящего времени наблюдается двоякость в плане подхода к их интерпретации.

В сегодняшней концертной практике относительно исполнения произведений Бетховена можно выделить условно две группы исполнителей. Первые — приверженцы устоявшейся традиции исполнения, условно «современной» (то есть не аутентичной). Для нее характерна опора на устаревшие принципы восприятия бетховенской музыки, близкие скорее музыке эпохи романтизма: помимо использования современных музыкальных инструментов, для такой манеры свойственно, например, игнорирование авторских указаний или замена их на концепции, широко распространенные в литературе XX века.

Вторая группа исполнителей придерживается исторически оправданного подхода — того, что в обиходе называется также аутентическим исполнением: к нему, помимо собственно исполнения того или иного сочинения, относится также исследовательская работа по поиску подходящего музыкального инструмента (например, этот вопрос остро стоит среди пианистов в связи с исполнением фортепианных сонат Бетховена), адекватного нотного источника, его расшифровки и т. д.

Таким образом, практическая значимость проведенного исследования заключается в историческом ракурсе рассмотрения поставленной проблематики. Были проанализированы особенности редакций сонат Бетховена, которые демонстрируют авторский взгляд на трактование оригинального текста композитором. В ходе работы над исполнительскими рекомендациями был изучен исторический опыт интерпретации данных разделов сонат, обозначены сложности в нотном тексте и особенности их преодоления.

Список литературы

1. *Протопопов В. В.* Принципы музыкальной формы Бетховена: Сонатно-симфонические циклы ор. 1-81 / Моск. гос. консерватория им. П. И. Чайковского. Кафедра теории музыки. М.: Музыка, 1970. 331 с.
2. *Протопопов В. В.* Сонатная форма в поздних произведениях Бетховена // Бетховен: Сборник статей / Ред.-сост. [и авт. предисл.] Н. Л. Фишман. М.: Музыка, 1971-1972. С. 161-250.
3. *Кириллина Л. В.* Бетховен: жизнь и творчество / Л. В. Кириллина; Московская гос. консерватория им. П. И. Чайковского, Гос. ин-т искусствознания. М.: Московская консерватория, 2009.
4. *Корганов В. Д.* Бетховен. Биографический этюд. — СПб., 1910, — 161 с.
5. Как исполнять Бетховена / [сост., вступ. ст. А. Засимова]. М.: Классика-XXI, 2007. 232 с.
6. *Сухов В.* Редакция сонат Бетховена для скрипки и фортепиано Л. Вейнера и ее использование в классах камерного ансамбля — [электронный ресурс] — точка доступа: <https://lektsia.com/18x672c.html>. Дата обращения: 25.03.2021.
7. *Cady, Arielle E.* Performance Analysis of Beethoven's Violin Sonata Op. 23: Freedom of Interpretation in Passages of Formal Anomaly. Honors Thesis, Andrews University, 2011.

8. *Cheng-Yin Lin*. Beethoven Sonata No. 10, Op. 96 for piano and violin in G major (1812): looking ahead. Dissertation, Louisiana State University, 2013.

9. *Heeney, Eimear*. Beethoven's Works for Violin and Piano. Submission for a degree of Master of Arts. Waterford Institute of Technology, 2007.

10. *Rostal M*. Beethoven, the sonatas for piano and violin: thoughts on their interpretation / Max Rostal; preface by the Amadeus Quartet; with a postscript from the pianist's viewpoint by Günter Ludwig; and an appendix by Paul Rolland; translated by Horace and Anna Rosenberg. [London]: Toccata press, 1985. 219 с.

11. *Сорокер Я. Л.* Скрипичные сонаты Бетховена, их стиль и исполнение. М.: Музгиз, 1963. 159 с.

12. *Rachel Kitagawa Shapiro*. Tracing Beethoven through the Ten Sonatas for Piano and Violin. Dissertation submitted to the Faculty of the Graduate School of the University of Maryland, College Park, in partial fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Musical Arts. 2016.

Ссылки:

[1] Корганов В. Д. Бетховен. Биографический этюд. — СПб., 1910. С. 161.

[2] Рупертус О. С. 93

[3] Сорокер Я. Л. Скрипичные сонаты Бетховена, их стиль и исполнение. М., Государственное музыкальное издательство, 1963. С. 31.

[4] Здесь стоит лишний раз напомнить о распространенной ошибке восприятия Бетховена как композитора-революционера, что приближает его скорее к романтикам. Данный миф широко разошелся в советской литературе, которой мы и по сей день пользуемся, но не соответствует действительности. Современные музыковеды, в частности, например, Л. В. Кириллина, убедительно доказывают, что Бетховен не был вечным приверженцем Французской революции, насколько бы это великое событие ни повлияло на его жизнь и мировоззрение.

[5] Сорокер Я. Л. С. 127.

[6] Ферман В. С. 104.

[7] См.: Меркулов А. «Эпоха уртекстов» и редакции фортепианных сонат Бетховена // Как исполнять Бетховена. М., «Композитор», 2007. С. 163-193.

[8] *Cheng-Yin Lin*. Beethoven Sonata No. 10, Op. 96 for piano and violin in G major (1812): looking ahead. P. 37.

[9] Beethoven. Sonaten für Violine und Klavier (Ioahim) B. I. II (Peters № 3031 a/b

[10] Бетховен. Сонаты для скрипки и фортепиано. Редакция Д. Ойстраха и Л. Оборина. Музыка, 1970.

[11] Beethoven. Sonaten für Klavier und Violine (B. Woytowich, T. Wronski) I. II. Polskie Wydawnietwo Muzyc, Krakow, 1978.

[12] Сухов С. Редакция сонат Бетховена для скрипки и фортепиано Л. Вейнера и ее использование в классах камерного ансамбля — [электронный ресурс] — точка доступа: <https://lektsia.com/18x672c.html>. Дата обращения: 25.03.2021.

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ (НА ПРИМЕРЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА)

ЛЮКШИНА НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА,
преподаватель иностранного языка 1 квалификационной категории,
ГАПОУ СО «Первоуральский металлургический колледж».

LYUKSHINA NATALIA ALEXEEVNA,
english teacher of the 1st qualification category,
Pervouralsky Metallurgical College.

Аннотация. В данной статье рассматриваются такие аспекты как значимость дистанционного образования в современном мире. Автор обосновывает проблему внедрения дистанционного образования в организациях СПО на примере дисциплины ОДБ 03 Иностранный язык. Автором обобщаются ИКТ технологии, применяемы для осуществления дистанционного образования по дисциплине Иностранный язык.

Abstract. In the article the author discusses the importance of e-learning model of education in the modern world. The author substantiates the problem of introducing e-learning education in organizations of secondary vocational education on the example of the «Foreign Language» discipline. The author summarizes the information and communication technology that were used during e-lessons of English.

Ключевые слова: дистанционное обучение, информационно-коммуникационные технологии, онлайн уроки, приложения, среднее профессиональное образование.

Key words: e-learning, information and communication technology, online lessons, apps, secondary vocational education.

Дистанционные методы и способы преподавания иностранного языка начали развиваться задолго до дистанционного обучения. Однако оно нашло широкое применение в 2020-2021 учебных годах для осуществления образовательного процесса в связи с неблагоприятной ситуацией в мире. Преподаватели прибегали к современным информационно-коммуникационным технологиям для проведения различных видов учебной деятельности.

В течение периода дистанционного обучения образование в организациях СПО также велось в дистанционном формате. Обучающиеся 1 курса специальности 13.02.11 Техническая эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования (по отраслям) изучали иностранный язык с помощью современных ИКТ.

В данной статье хотелось бы рассмотреть несколько площадок, расположенных в сети Интернет, которые помогли разнообразить и облегчить процесс преподавания иностранного языка в дистанционном формате для студентов 1 курса СПО. А также помогли в достижении результатов обучения согласно ФГОС. Примерами данных продуктов можно считать: Microsoft Teams, Google Forms и Padlet.

Microsoft Teams — площадка для проведения онлайн уроков с возможностью трансляции звука, видео, презентаций и доской. **Microsoft Teams** — корпоративная платформа, объединяющая в рабочем пространстве чат, встречи, заметки и вложения. Microsoft Teams является частью Office 365 и распространяется по корпоративной подписке.

Microsoft Teams использовался на занятиях, в качестве основной платформы для сбора студентов, организационных моментов занятий, также обсуждения заданий, вопросов студентов. Платформа также подходит для работы с текстом: чтение, перевод, обсуждение, выполнение лексико-грамматических упражнений по тексту; выполнения грамматических упражнений; говорения. Благодаря демонстрации экрана обучающиеся могут смотреть презентации, видео материалы.

Осуществление аудирования, а также диалогической речи на платформе не представлялось возможным. Аудиофайл не было слышно совсем или было слышно плохо, если он транслировался одновременно с компьютера учителя, поэтому он высылался обучающимся отдельным файлом, давалось несколько попыток для прослушивания, для обсуждения прослушанного материала переключались в Microsoft Teams. Для выполнения заданий на развитие диалогической речи обучающимся предлагалось приложение Padlet, в котором можно было работать в парах, записывая диалог по фразе, затем в Teams диалог озвучивался. Фразы периодически прерывались, что нарушало целостность диалога.

Онлайн инструмент [Padlet](#) — это доска, существующая онлайн, доску, к которой можно прикреплять записки, картинки и фото. На нее Вы можете прикреплять заметки, изображения, фотографии, файлы и ссылки на внешние ресурсы. Главное преимущество Padlet для преподавания иностранного языка в дистанционном формате — это возможность работать совместно с другими обучающимися онлайн в реальном времени. Когда доска готова, Вы можете поделиться ей в соцсетях, встроить ее в сайт, экспортировать в различных форматах, распечатать, и даже создать [QR-код](#). Использовать Padlet можно бесплатно. На занятиях 1 курса по иностранному языку доска Padlet применялась для следующих видов деятельности: повторение изученного на прошлом уроке материала (давалась доска с правилом Present Simple, необходимо было распределить правило и примеры по нужным колонкам), выполнение заданий на письмо (составить рассказ в Present Simple, в котором каждый студент пишет по 1-2 предложения), выполнение лексических и грамматических упражнений (на доске были разные кусочки текста в Past Simple, необходимо было по вариантам дополнить глаголами в нужной форме), для составления диалогов, а также для обсуждения (давалось утверждение на листе Padlet, например: «Social media is an important part of our life», в комментариях необходимо было привести аргументы (pros and cons), проектной деятельности (написание текста с картинкой по теме «Sights of Great Britain»). Кроме того, Padlet подходит для сбора обратной связи, в конце занятия студенты могут написать, что они узнали на занятии, что было непонятно, какие есть пожелания и предложения по проведенному уроку.

Минус досок Padlet в том, что количество досок в бесплатной версии сайта ограничен. Вы можете создать 5 досок. Если работать в нескольких группах в данном приложении, то досок не хватит для проведения упражнений.

Следующий онлайн инструмент, использованный на дистанционных занятиях по иностранному языку Google Forms.

С помощью Google Forms можно легко и быстро планировать мероприятия, составлять опросы и анкеты, а также собирать различную информацию. Форму можно подключить к электронной таблице Google, и тогда ответы респондентов будут автоматически сохраняться в ней. Форму можно создать как в меню Google Диска, так и в существующей электронной таблице. Применение Google Forms за счет их многофункциональности обширно. Обучающиеся могут пройти опрос-рефлексию по уроку, также возможно выполнение лексико-грамматических, текстовых и тестовых заданий. Удобство Google Forms в простом и понятном интерфейсе и сборе данных ответов обучающихся.

Дистанционное обучение стало проще и доступнее. В образовательных организациях среднего профессионального образования активно внедряются технологии проведения дистанционных занятий по иностранному языку. Современные ИКТ делают возможным выполнение различных видов заданий: лексико-грамматических, текстовых, устных и письменных. Кроме того, проще и разнообразней становятся практические занятия, самостоятельная работа обучающихся, проектная деятельность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дубровкина И.Ю. Использование Интернет-ресурсов и цифровых инструментов в дистанционном обучении английскому языку // Вестник Шадринского государственного

педагогического университета. — № 3 (47) — 2020. — С. 45-49.

2. Евдокимова М.Г., Сапожникова О.С. Программа Google Classroom как инструмент формирования автономности студента в процессе лично-ориентированного обучения иностранным языкам // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. — 2 (796) — 2018. — С. 183-191.

3. Огинская Ю. В. Дистанционное обучение (на примере иностранного языка) // Учительский журнал. — 2021. — № 3. — С. 5.

4. Судаков И.А. Использование онлайн-сервиса Quizlet в самостоятельной работе студентов по овладению иноязычной лексикой // Экономические и социально-гуманитарные исследования № 2 (22) 2019. С. 213 — 217.

5. Чернякова Е.А. Использование интернет-ресурсов при обучении английскому языку на неязыковых специальностях вуза // Таврический научный обозреватель. 2016. № 12. 1 (17). С. 35–38.

ДИСЦИПЛИНА ИНФОРМАТИКА В СПО – КАК СТУПЕНЬ К ФОРМИРОВАНИЮ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТА

Лебединская Анна Владимировна
преподаватель, МКТ РУТ (МИИТ)

Среднее профессиональное образование (СПО) направлено на решение задач интеллектуального, культурного и профессионального развития человека и имеет целью подготовку квалифицированных рабочих или служащих и специалистов среднего звена по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, а также удовлетворение потребностей личности в углублении и расширении образования.

Статья 68. Среднее профессиональное образование, [Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ \(ред. от 30.04.2021\) «Об образовании в Российской Федерации» \(с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2021\)](#)

Для развития современного общества необходимы не только материальные, инструментальные, энергетические, но и информационные ресурсы. Сегодня современному обществу нужны грамотные, самостоятельные, инициативные специалисты, способные совершенствовать свою деятельность и личность.

Постоянное совершенствование техники и ИТ привело к резкому возрастанию объема информации, с которой приходится сталкиваться человеку в процессе его профессиональной деятельности.

Диапазон задач, решаемых специалистом корпоративной сети ОАО «РЖД», их сложность и новизна требуют, прежде всего, развития проблемного мышления, способность осознать проблему и найти нестандартное решение.

В условиях массового производства и потребления информации, ее постоянного обновления, изменяются требования к современному квалифицированному специалисту. Он должен обладать не только профессиональными знаниями, умениями, навыками, но и культурой — познания, мышления, образования и самообразования.

Поэтому одним из важнейших требований, предъявляемых на современном этапе в СПО, является подготовка специалистов, владеющих информационными и информационно-коммуникационными технологиями; способных применять их к решению профессиональных задач. Качество такой подготовки определяется способностью к самостоятельному, свободному освоению новых информационных программных продуктов, творческим подходом к дальнейшему образованию, стремлением к самообразованию.

Современное общество требует, чтобы человек обладал информационной культурой, которая является элементом общей культуры человека.

Информационная культура — это знания об информационной среде, законах ее функционирования, умение ориентироваться в информационных потоках.

Информационная культура современного человека — это не просто навык работы с компьютером, с программным обеспечением и т.д. В первую очередь это культура овладения знаниями, умение сочетать традиционные и современные методы познавательной деятельности. Это высокий уровень профессиональной мобильности и адаптивности в информационной среде, ответственность за информационную безопасность общества, общая культура коммуникации в профессиональном сообществе в информационной сфере.

В системе среднего специального профессионального образования ступенью к решению основных проблем для формирования информационной культуры у студентов является формирование определенного набора знаний, умений и навыков, необходимых для освоения современных технических требований и уровня развития информационных и телекоммуникационных технологий.

Целью дисциплины «Информатика» является ознакомление с основными информационными технологиями, необходимыми для решения профессиональных задач, изучение методов и способов получения, хранения и переработки информации при активном использовании ресурсов компьютерных сетей.

Одна из основных задач дисциплины — это сформировать у студента фундамент современной информационной культуры;

Дисциплина Информатика направлена на освоение студентами навыков использования средств информационных технологий, являющихся значимыми для социализации обучающихся в последующей их профессиональной деятельности в корпоративной сети ОАО «РЖД», для повышения эффективности освоения и приобретения студентами профессиональных компетенций по дисциплинам и профессиональным модулям во время обучения

Дисциплина Информатика для студентов профессиональных образовательных организаций, это принципиально иная начальная ступень обучения данной дисциплине, которая ведется в контексте с их будущей профессиональной деятельностью.

Диапазон задач, решаемых специалистом корпоративной сети ОАО «РЖД», их сложность и новизна требуют от студента, овладения информационной культурой

В ходе изучения дисциплины Информатика у студентов СПО должна быть сформирована база знаний, умений, практических навыков и компетенций, что и является основой для формирования информационной культурой будущего специалиста, которая жизненно необходима для дальнейшего формирования и развития общих и специализированных профессиональных навыков и компетенций студентов.

Для достижения поставленных целей необходимо использовать активные и интерактивные формы и методы обучения по дисциплине, при которых деятельность обучаемого носит продуктивный, творческий, поисковый характер.

Пользуясь приобретенными знаниями, выпускник СПО — будущий специалист корпоративной сети ОАО «РЖД» должен уметь самостоятельно приобретать, отыскивать необходимую информацию и использовать ее в своей профессиональной деятельности.

Профессиональная деятельность студентов, будущих специалистов корпоративной сети ОАО «РЖД», связана с работой в коллективе на железнодорожном транспорте, от согласованности действий которых, готовность к быстрому обновлению и приобретению знаний, развитию навыков и умений зависят безопасность движения, жизни людей и их собственная безопасность.

Именно такие специалисты могут грамотно выполнять свои обязанности и функции, отличаясь высокой самоорганизованностью и само-восприимчивостью, социально-профессиональной мобильностью, готовностью к быстрому обновлению и приобретению знаний, развитию навыков и умений. В основе такого непрерывного самообучения лежит процесс самообразования, обеспечивающий не только овладение способами приобретения необходимых знаний, но и формирование самостоятельности, как профессионально значимого качества личности

Необходима ли новая (дополнительная) $G\hbar/c\kappa$ -физика «снаружи» светового конуса?

Б.М. Левин

ИХФ им. Н.Н. Семёнова РАН, Москва (1964-1987);
 Договор о творческом сотрудничестве с ЛИЯФ
 им. Б.П. Константинова РАН, Гатчина (1984-1987);
 ФТИ им. А.Ф. Иоффе РАН, Санкт-Петербург (2005-2007).
 E-mail: bormi-khlev@yandex.ru

Boris M. Levin

Semenov Institute of Chemical Physics, Russ. Acad. Sci., Moscow (1964-1987)
 In cooperation with Konstantinov Institute of Nuclear Physics, Russ. Acad. Sci.,
 Gatchina (St. Petersburg) (1984-1987);
 Ioffe Physical Technical Institute, Russ. Acad. Sci., St. Petersburg (2005-2007).
 E-mail: bormi-khlev@yandex.ru

«Характерной чертой столкновения современного естествознания с прежним традиционным методом мышления является полная интернациональность современного естествознания».

В. Гейзенберг

Из книги «ФИЗИКА И ФИЛОСОФИЯ/ЧАСТЬ И ЦЕЛОЕ», 1969.

Перевод с немецкого.

Реальность и тревоги современной (глобальной) цивилизации определяются возможностями технологий (включая ИТ), что детерминировано фундаментальной наукой (физикой, как фундаментом — современной Стандартной моделью/СМ, которая пребывает в стагнации с середины 1970х).

Экспериментальные предпосылки необходимости расширения СМ появились более полувека назад, но не были замечены. Это опасно...

Многие попытки технологий (изобретателей и конструкторов) выйти за пределы СМ, обоснованные важными результатами, замалчиваются или отвергаются доминирующими экспертами, как антинаучные.

Это — своеобразный «остракизм» (по умолчанию) — происходит и с фундаментальной экспериментальной базой (США/1956, 1965, 1975, 1982-1990, 2003?; Россия/1967, 1987!/положительный результат основополагающего критического эксперимента «тихой физики», поставленного с целью проверки парадоксальной гипотезы о природе «условий резонанса» /эффект Мёссбауэра в газе! — ^{22}Na -газообразный неон ~ 9% ^{22}Ne — на упомянутой экспериментальной базе 1956-1990; Англия/1975; Канада/1975) и с феноменологией новой (дополнительной) $G\hbar/c\kappa$ -физики «снаружи» светового конуса.

Главное в феноменологии новой физики — открывшаяся возможность формализации (аналоговая!) статуса физического наблюдателя/ФН — β^+ -позитронием (β^+ -Ps).

Теория показала [1], а независимый эксперимент подтвердил, что β^+ -Ps, в отличие от позитрония, образованного позитроном (e^+), рождённым в паре с электроном (e^-) в квантовоэлектродинамическом процессе образования e^+e^- -пар (КЭД-Ps), полностью вырожден в отношении сверхтонкого расщепления ($\Delta W = 8,4 \cdot 10^{-4}$ эВ) орто- и пара- состояний β^+ -позитрония (β^+ -Ps — $\Delta W = 0$, т.е. имеет место реализация суперсимметрии [1] — β^+ -суперсимметрия/мой

термин — Б.Л.).

Этот результат использован при формулировке феноменологии новой физики [2].

Суперсимметрия не получила пока экспериментального подтверждения на ЛHC/БАК (13 ТэВ). Из феноменологии новой физики следует возможность обнаружения эффекта (резонанса) β^+ -суперсимметрии на коллайдере будущего поколения при энергии порядка 100 ТэВ.

Критический эксперимент показал [4] (феноменология, развитая на экспериментальной базе), что β^+ -Ps в «условиях резонанса» туннелирует в ограниченную, двузначную (\pm) область пространства-времени ($\sim 1,2$ км, $2 \cdot 10^{-6}$ с) «снаружи» светового конуса и, таким образом, может представлять ФН, его сознание, которое имеет рациональную (логика, фундаментальная наука — «внутри» светового конуса) и иррациональную (подсознание, сверхсознание, интуиция — «снаружи» светового конуса) сферы.

Новая физика (расширение СМ путём включения ограниченной области пространства-времени «снаружи» светового конуса — «локальная» причинность — обосновывает принципиально новые, неразрушающие технологии во всех сферах взаимодействием тёмной материи с материей) включает и социальные технологии (цивилизационные проблемы) [5, 6].

В социальной сфере новая физика преодолевает однополярный Мир. Его статус в рамках современной СМ восходит к модели доминирования у высших животных, к модели атома вещества (ядро — в центре, а электроны, как сателлиты) и структуре Солнечной системы (Солнце — в центре с планетами-сателлитами).

Трансформация глобальной цивилизации в многополярный МИР определена моделью атома дальнего действия в конечном состоянии β^+ -распада ($N^{(3)} \sim 10^{19}$ — аналогия включает дальний Космос, практически недостижимый с позиций современной СМ) со структурированным ядром ($\bar{n} = 5,278 \cdot 10^4$ — аналог глобальной цивилизации на Земле и в Космосе).

Реализация аналогии исключит опасную геополитическую поляризацию (\pm) Запад-Восток [6].

Вопрос о выживании глобальной цивилизации становится предметом фундаментальной физики.

Не учёт этой перспективы, имеющей экспериментальные основания в «тихой физике», означал бы конец фундаментальной науки (по умолчанию), что означало бы и конец цивилизации на Земле.

1. Di Vecchia P. and Schuchhardt V. N = 1 and N = 2 supersymmetric positronium. Phys. Lett., v.155B(5,6), p.427, 1985.

2. Levin B.M. Atom of Long-Range Action Instead of Counter-Productive Tachyon Phenomenology. Decisive Experiment of the New Additional Phenomenology Outside of the Light Cone. Progress in Physics, v. 13(1), p.11, 2017.

3. Левин Б.М. Станет ли коллайдер будущего единственным инструментом подтверждения суперсимметрии и расширения Стандартной Модели? О суперсимметричном β^+ -позитронии, как аналоговой формализации статуса физического наблюдателя. Евразийский научный журнал, № 2, с.45, 2021. www.JournalPro.ru

4. Левин Б.М., Коченда Л.М., Марков А.А., Шантарович В.П. Временные спектры аннигиляции позитронов (^{22}Na) в газообразном неоне различного изотопного состава. ЯФ, т.45(6), с.1806, 1987.

5. Левин Б.М. Проект новой (дополнительной) Gh/ck -физики «снаружи» светового конуса и принципиально новые неразрушающие технологии. <http://web.snauka.ru/issues/2017/12/85136>

6. Левин Б.М. Космические горизонты или тупик глобальной цивилизации на Земле? Евразийский

Letter to the Editorial Board of the Eurasian science journal

Is a New (additional) Gh/ck -Physics «outside» the Light Cone needed?

«A characteristic feature of collision of modern natural science with the former traditional method of thinking in the complete internationality of modern science».

W. Heisenberg

From the book «PHYSICS AND PHILOSOPHY/PART AND WHOLE», 1969.

Translation from German

The reality and fears of modern (global) civilization are determined by the capabilities of technologies (including IT), which ultimately is determined by the state of fundamental physics — the modern Standard Model (SM — in stagnation since the mid-1970s).

Experimental prerequisites for the need to expand the SM appeared more than half a century ago, but were not noticed. This is dangerous...

Many attempts by technologies (inventors and designers) to go beyond the SM, justified by important results, are hushed up or rejected by dominant experts as unscientific.

This — a kind of «ostracism» (by default) — also occurs with the fundamental experimental base (USA/1956, 1965, 1975, 1982-1990, 2003?; Russia/1967, 1987! / a positive result of the fundamental critical experiment of «quiet physics», put forward in order to test the paradoxical hypothesis about the nature of «resonance conditions» / the Mössbauer effect in a gas! / — ^{22}Na -gaseous neon $\sim 9\%$ ^{22}Ne — on the aforementioned experimental base 1956-1990; England/1975; Canada/1975) and with the phenomenology of the New (additional) Gh/ck -Physics «outside» the Light Cone.

The main thing in the phenomenology of the New physics is the opened possibility of formalizing (analogue!) the status of a physical observer/PhO — by β^+ -positronium (β^+ -Ps).

The theory showed [1], and independent experiment confirmed that β^+ -Ps, in contrast to positronium formed by positron (e^+), created in a pair with an electron (e^-) in the quantum-electrodynamics process of formation of e^+e^- -pair (QED-Ps), is completely degenerate with respect to hyperfine splitting ($\Delta W = 8.4 \cdot 10^{-4}$ eV) of ortho- and para- states of β^+ -positronium ($\Delta W = 0$, i.e. supersymmetry is realized [1] through β^+ -supersymmetry/my term — B.L.).

This result of the theory was used in the formulation of the phenomenology of the New physics [2].

Supersymmetry has not yet received experimental confirmation at the LHC (13 TeV). The phenomenology of New Physics implies the possibility of detecting the effect (resonance) of β^+ -supersymmetry at future generation collider, at energy of about 100 TeV [3].

A critical experiment showed [4] (phenomenology developed on an experimental basis) that β^+ -Ps under «resonance conditions» tunnels into a limited, two-valued (\pm) region of space-time (~ 1.2 km, $2 \cdot 10^{-6}$ s) «outside» the Light Cone and thus can represent PhO — its consciousness — which has a rational (logic, fundamental science — «inside» the Light Cone and irrational (sub consciousness, super consciousness, intuition — «outside» the Light Cone) sphere.

New physics (expansion of the SM by including a limited area of space-time «outside» the Light Cone — «local» causality — substantiates fundamentally new, non-destructive technologies in all areas through the interaction of dark matter with matter) also includes social technologies (civilization problems) [5, 6].

In the social sphere the New physics overcomes the unipolar World. Its status within the framework of the modern SM goes back to the model of dominance in higher animals, to the model of the atom of matter (the nucleus is in the center, and the electrons are like satellites) and the structure of the Solar system (the Sun is in the center with satellite planets).

The transformation of a global civilization into a multipolar WORLD is determined by the model of atom long-range action in the final state of β^+ -decay ($N^{(3)} \sim 10^{19}$ — the analogy includes the distant Cosmos, practically unattainable from the standpoint of the modern SM) with a structured core ($\bar{n} = 5.278 \cdot 10^4$ — an analogue of the global civilization on Earth and in Space) [6].

Realization of the analogy will exclude the dangerous geopolitical polarization (\pm) West-East [6].

The question of the survival of the global civilization is becoming the subject of fundamental physics.

Failure to take into account this perspective, which has experimental foundations in «quiet physics», would mean the end of fundamental science (by default), which would also mean the end of civilization on Earth.

1. Di Vecchia P. and Schuchhardt V. $N=1$ and $N=2$ supersymmetric positronium. *Phys. Lett.*, v. 155B (5, 6), p.427, 1985.

2. Levin B.M. Atom of Long-Range Action Instead of Counter-Productive Tachyon Phenomenology. Decisive Experiment of the New Additional Phenomenology Outside of the Light Cone. *Progress in Physics*, v. 13(1), p.11, 2017.

3. Levin B.M. Will the collider of the future become the only tool for confirming supersymmetry and extending the Standard Model? *Eurasian science journal*, № 2, p.45, 2021. www.JournalPro.ru

4. Levin B.M., Kochenda L.M., Markov A.A., Shantarovich V.P. Time spectra of positron (^{22}Na) annihilation in gaseous neon of different isotopic composition. *Sov. J. Nucl. Phys.*, v. 45(6), p.1119, 1987.

5. Levin B.M. Project of new (additional) Gh/ck -physics «outside» of the Light Cone and fundamentally new, non-destructive technologies. <http://web.snauka.ru/issues/2017/12/85136>

6. Levin B.M. Cosmic horizons or dead end of global civilization on Earth? *Eurasian science journal*, № 4, p.27, 2021 www.JournalPro.ru

СИСТЕМА МИРОВЫХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ - ИНТЕГРАЦИЯ РОССИИ

Корецкая Елена Александровна
преподаватель МКТ РУТ (МИИТ)

Мир поделен на различные социально-экономические системы, международные группировки, отличающиеся друг от друга целями, механизмами функционирования, эффективностью действия этих механизмов. Однако это разнообразие стягивается в единство силовым полем взаимной экономической зависимости. Мирохозяйственные связи берут свое начало в мировой торговле, которая прошла путь от единичных внешнеторговых сделок до долгосрочного крупномасштабного торгово-экономического сотрудничества. Внешнеторговый обмен товарами — важнейшая составная часть мировых экономических отношений. Показатели, характеризующие внешнеторговый оборот, такие, как экспортная квота (отношение стоимости экспорта к стоимости валового внутреннего продукта), объем экспорта на душу населения и другие, в определенной мере характеризуют степень включенности страны в мирохозяйственные связи, или степень «открытости» экономики страны.

Бурный рост мирохозяйственных связей приходится на период, когда усиливается мобильность факторов производства: возрастают вывоз капитала и миграция рабочей силы, ускоряются процессы формирования международного разделения труда. Во всем мире наблюдается устойчивая тенденция к региональной межстрановой интеграции. В настоящее время к числу важнейших форм мировых экономических отношений относятся:

- движение капиталов и зарубежных инвестиций;
- миграция рабочей силы;
- обмен в области науки и техники;
- международная торговля товарами и услугами;
- межстрановая кооперация производства;
- валютно-кредитные отношения.

Современная структура внешней торговли России носит, в основном, сырьевой характер, однако с 1995 г. начала возрастать стоимость экспорта вооружений и военной техники, поставок машин и оборудования в страны СНГ. Основная причина уменьшения импорта — прежде всего, политика правительства России, направленная на сокращение государственных расходов, включая расходы на централизованный импорт, а также на постепенную ликвидацию системы бюджетного дотирования импорта. Крупными статьями российского импорта остаются товары массового потребительского спроса и длительного пользования. Крупнейшими торговыми партнерами России являются: Германия, США, Великобритания, Китай, Италия, Япония, Финляндия, Нидерланды, Швейцария, Франция, Венгрия, Южная Корея, Чехия, Польша, Австрия, Бельгия, Турция.

Современная Россия развивается в направлении большей интеграции в мировую экономическую систему. Следовательно, основой ее внешнеэкономической политики стало развитие экспортного потенциала. На ближайшую перспективу основные статьи российского экспорта: топливно-энергетическое сырье, химические продукты, металлы, древесина, готовые изделия. Однако стратегия развития отечественной экономики, предусматривая модернизацию добывающих отраслей как основных источников валютных поступлений, должна строиться на развитии обрабатывающих отраслей, машиностроения, наукоемких производств. Такая переориентация достаточно сложна. Необходимо искать пути существенного повышения совместимости хозяйства России с мировым, доводить продукцию до международного уровня конкурентоспособности, преодолевать жесткую внешнюю конкуренцию.

Одной из важных тенденций в этом направлении является вступление России во Всемирную торговую организацию (ВТО). Правовой основой создания ВТО послужило действующее с 1948 г. Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), включающее следующие принципы:

- разрешение ликвидации или сокращения таможенных пошлин, а также унификации правил и условий их применения;
- применение взаимных торговых уступок, воплощенных в режиме наибольшего благоприятствования;
- снятие ограничений и квот как средств регулирования внешней торговли;
- принятие решения по защите национального рынка только после многочисленных консультаций, т.е. исключение односторонних действий страны участницы;
- введение субсидий и антидемпинговых пошлин.

Россия постепенно приводит таможенные тарифы в соответствие с требованиями ГАТТ и ВТО. Так, уровень ставок таможенных пошлин зависит от режимов, используемых в отношении стран происхождения товара. Основой являются ставки, применяемые по отношению к странам, пользующимся в России режимом наибольшего благоприятствования (125 стран). Для товаров, поступающих из стран, не пользующихся этим режимом, базовые ставки увеличиваются вдвое. Для товаров, ввозимых из стран, относящихся к развивающимся (по классификации ООН), базовые ставки уменьшаются в два раза. Товары, происходящие из 46 наименее развитых стран, ввозятся беспошлинно, точно так же, как и импорт товаров из стран СНГ. В среднем базовая ставка таможенного тарифа составляет 20% стоимости изделия.

Несмотря на успехи России в развитии экономики, иностранные инвесторы с небольшим энтузиазмом вкладывают свои капиталы в российские предприятия. Их нежелание объясняется целым комплексом проблем: нестабильностью экономической ситуации, несовершенством законодательства, отсутствием реальных льгот и привилегий для иностранного капитала, непредсказуемостью изменений в налоговой системе.

Решение этих проблем будет способствовать увеличению притока и повышению эффективности использования иностранных инвестиций с целью ускорения структурной перестройки нашей экономики.

В настоящее время небольшие для размеров нашей страны привлеченные иностранные вложения не оказывают ощутимого влияния на активизацию инвестиционных процессов и не стимулируют структурные преобразования экономики и более резкий рост промышленного производства.

Непрерывно возрастающее передвижение товаров, рабочей силы, финансовых средств через национальные границы ускоряет развитие и совершенствование всемирной инфраструктуры. Поэтому все большее значение для развития мировой экономики, а следовательно, и интеграции в систему мирохозяйственных связей экономики России приобретают мировая сеть информационных коммуникаций и транспортная система нашей страны.

Обзор обновления парка локомотивов Октябрьской дирекции ТЯГИ

Соловьев Виталий Николаевич

Преподаватель МКТ РУТ (МИИТ), Россия, г. Москва

E-mail: mkgt-tps@rambler.ru

ВВЕДЕНИЕ

Железнодорожный транспорт является основной транспортной системой России. Он должен своевременно и качественно обеспечивать потребности населения в грузовых и пассажирских перевозках и транспортных услугах, а также обеспечивать жизнедеятельность всех отраслей экономики страны и безопасности государства.

Железнодорожный транспорт играет большую роль в формировании транспортных услуг и позволяет эффективно развивать предпринимательскую деятельность во взаимоотношениях с другими видами транспорта, составляя транспортную систему страны. В условиях развивающихся рыночных отношений особенно важной становится его четкая организованность, ритмичность и надежность работы, качество предоставляемых услуг. При этом должна быть гарантирована полная безопасность движения, обеспечены сохранность грузов и сохранность окружающей среды.

Одним из важнейших подразделений железнодорожного транспорта является локомотивный комплекс. Локомотивный комплекс обеспечивает перевозки грузов и пассажиров тяговыми средствами и содержание их в технически исправном состоянии, гарантируя полную безопасность движения и точное выполнения графика движения поездов.

Обновление парка локомотивов

В настоящее время нарастающими темпами производится обновление эксплуатируемого парка локомотивов. Проходят испытания и сертификацию новейшие серии тепловозов и электровозов. Новейшие серии подвижного состава вводятся в эксплуатацию и на полигоне обслуживания Октябрьской дирекции тяги:

— *пассажирские электровозы постоянного тока:*

а) ЭП2К — с 2005 по 2018 год на ОАО «Коломенский завод» выпущено 384 электровоза, из них обслуживают пассажирские поезда на Октябрьской магистрали — 81 единица;

— *грузовые электровозы постоянного тока:*

а) 2ЭС4К «Дончак» — с 2008 по 2018 год на ПК «Новочеркасский электровозостроительный завод» выпущено 149 электровозов, 73 из них трудятся на полигоне Октябрьской дирекции тяги;

б) 3ЭС4К — с 2014 по 2018 год выпущено 59 электровозов, 50 электровозов поставлено на Октябрьскую дирекцию тяги;

в) 2ЭС6 «Синара» — с 2006 по 2018 год на ООО «Уральские локомотивы» выпущено 824 электровоза, 5 электровозов обслуживают грузовые поезда на полигоне Октябрьской дирекции тяги;

г) 2ЭС10 «Гранит» — электровоз с асинхронным тяговым приводом, с 2010 по 2018 год построено 159 электровозов, из которых 2 эксплуатируются на полигоне Октябрьской дирекции тяги;

— *пассажирские электровозы переменного тока:*

а) ЭП1М — с 2007 по 2018 год было выпущено 415 электровозов, 5 из них водили поезда во Северному ходу Октябрьской дороги до 2014 года, в последствии были переданы на баланс других дорог;

— *грузовые электровозы переменного тока:*

а) 2ЭС5К «Ермак» — с 2004 по 2018 год было построено 390 электровозов этой серии, 115 из них работают в грузовом движении на Октябрьской дороге;

б) 3ЭС5К — с 2007 по 2018 год выпущено 895 электровозов, 30 из них обеспечивают вождение тяжеловесных поездов на Октябрьской дирекции тяги;

— *пассажирские электровозы двойного питания:*

а) ЭП20 — с 2011 по 2018 год изготовлено 62 электровоза, некоторые из них помогают обеспечивать скоростное движение на Главном ходу Октябрьской дороги;

— *пассажирские тепловозы:*

а) ТЭП70БС — с 2002 по 2018 год на ОАО «Коломенский завод» построено 324 тепловоза, которые обслуживают пассажирское движение на просторах всей нашей страны и за ее пределами, 17 из них имеют приписку на Октябрьской магистрали;

— *грузовые тепловозы:*

а) 2ТЭ116У — с 2007 по 2016 год построено 230 двухсекционных тепловозов, эти машины обслуживают поезда на неэлектрифицированных участках сети железных дорог, включая Октябрьскую дирекцию тяги;

б) 2ТЭ25Км — с 2014 по 2018 год из ворот АО УК «Брянский машиностроительный завод» вышли 357 двухсекционных тепловоза, 25 из которых получили приписку на Октябрьской магистрали;

— *маневровые тепловозы:*

а) ТЭМ18Д и ТЭМ18ДМ — с 2004 по 2018 год выпущено 1246 тепловозов этих серий. Данные машины разошлись по всем регионам нашей страны;

б) ТЭМ18В — с 2011 по 2018 год было построено всего 39 тепловозов и все они работают в маневровом движении на Октябрьской дирекции тяги.

в) ТЭМ7А — за весь период выпуска этих мощных маневрово-вывозных тепловозов на АО «Людиновский тепловозостроительный завод» было выпущено более полусотни этих машин, 22 тепловоза этой серии выполняют маневрово-вывозную работу на Октябрьской магистрали.

Заключение

Уверенными темпами происходит обновление парка локомотивов Октябрьской дирекции тяги, что предъявляет высокие требования к подготовке работников локомотивных бригад. С этой задачей успешно справляется Санкт-Петербургский техникум железнодорожного транспорта.

Поздравляем коллег с юбилеем учебного заведения, желаем долго и плодотворно трудиться, оставаться в тренде и продолжать держать высокий уровень в подготовке кадров!

Список Используемых источников

Сайт «Железнодорожная фотогалерея TRAINPIX» — форма доступа: <https://www.trainpix.org/>

Сайт «Свободная энциклопедия Википедия» — форма доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>

Развитие технологий беспилотного наземного транспорта

Лапин Юрий Александрович

Преподаватель Московского колледжа транспорта

E-mail: IAPIN-MKGT@yandex.ru

Уже к 2025 году автомобили на автопилоте перестанут быть чем-то из ряда вон выходящим, а в 2030 г. планируется их массовое производство.

Беспилотный автомобиль — транспортное средство, оборудованное системой автоматического управления, которое может передвигаться без участия человека.

Автомобиль ориентируется с помощью нескольких систем.

GPS. Является базовой точкой отсчёта местоположения и позволяет автомобилю выстраивать маршрут.

Лидар. Световое обнаружение и определение дальности. Представляет собой лазерный радар\зд-сканер. С помощью его данных автомобиль выстраивает 3х-мерную карту местности из облака точек.

Камеры. Камеры могут использоваться как для построения 3Д так и для получения обычной картинки для распознавания. Они устанавливаются в верхней части ветрового стекла и помогают бортовому компьютеру распознавать цвет светофора, приближающиеся объекты.

Преимущества:

- кардинальная минимизация [ДТП](#) ;
- снижение стоимости транспортировки грузов и людей;
- повышение эффективности использования дорог;
- снижение потребности в индивидуальных автомобилях;
- повышение пропускной способности дорог;
- появляется возможность самостоятельно перемещаться на роботизированном автомобиле для людей без водительских прав;
- перевозка грузов в опасных зонах;
- в отдалённой перспективе снижение глобальной экологической нагрузки.

Недостатки:

- ответственность за нанесение ущерба;
- утрата возможности самостоятельного вождения автомобиля;
- ненадёжность [ПО](#), уязвимо к [взлому](#) и [слежке](#);
- потеря рабочих мест людьми;
- отсутствие опыта вождения у водителей в критической ситуации.

Системы автопилота направлены на то, чтобы помочь человеку вести машину.

Однако пока что, все автомобили так или иначе требуют присутствия человека. Созданием настоящего беспилотного автомобиля, в котором даже не будет педалей с рулём, занялась компания Google. Как считает сооснователь Google, будущее именно за полностью беспилотными автомобилями.

С таким заявлением в целом можно согласиться. Беспилотные автомобили не нарушают правила

дорожного движения. Компьютер обладает реакцией в разы превосходящей человеческую, так что если кто и успеет затормозить в чрезвычайной ситуации, то это автопилот. Датчики хорошо «видят» и днём, и ночью, и не устают при длительных поездках в отличие от человеческих глаз. К тому же время, которое приходится тратить на управление машиной, можно использовать на другие более полезные дела, например, почитать. Беспилотные транспортные средства можно использовать в опасных зонах, во время природных и техногенных катастроф или военных действий.

Стоит отметить, что помимо Google, Tesla, [Apple](#), Mercedes, [Volvo](#) и других компаний, созданием беспилотного автомобиля занимается КамАЗ. Однако в отличие от остальных подобных разработок это будет грузовик способный передвигаться даже по бездорожью.

Процесс накопления крестьянских недоимок по налоговым платежам во второй половине XIX – начале XX веков (на примере Михайловского уезда Рязанской губернии)

Михайлова Галина Николаевна

магистрант 2 курса института истории, философии и политических наук,
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»,
Россия, 390000, Рязанская область, г. Рязань, ул. Свободы, д.46.
E-mail: galina.mihaylova19@mail.ru.

Научный руководитель: Агарев Александр Федорович

д.и.н., профессор
зав. кафедрой истории России и методики обучения истории и обществознанию
института истории, философии и политических наук
Россия, 390000, Рязанская область, г. Рязань, ул. Свободы, д.46.

Аннотация. В статье рассматривается процесс накопления крестьянских недоимок по налоговым платежам во второй половине XIX — начале XX веков в Рязанской губернии Российской империи. Анализируется процесс накопления крестьянских недоимок за период с 1871 года по 1895 год. Рассматривается процентное соотношение годового оклада и недоимок. Анализируются архивные материалы, содержащие сведения о росте недоимок крестьян Михайловского уезда Рязанской губернии по выкупным платежам, лесному налогу и страховым платежам во второй половине XIX — начале XX веков.

Ключевые слова: налоги, налоговые платежи, государственные платежи, окладные сборы, выкупные платежи, недоимки по налоговым платежам, крестьянское налогообложение, крестьянские недоимки по налоговым платежам.

Mikhaylova Galina Nikolaevna

Master Student, Institute of History, Philosophy and Political Science,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education,
Ryazan State University named for S. Yesenin,
Russia, 390000, Ryazan, Svoboda, 46.
E-mail: galina.mihaylova19@mail.ru.

The process of accumulation of peasant tax arrears in the second half of the 19th — early 20th centuries (on the example of the Mikhailovsky district of the Ryazan province)

Abstract. The article contemplates the process of accumulation of peasant tax arrears in the second half of the 19th — early 20th centuries in the Ryazan province of the Russian Empire. The process of accumulation of peasant arrears for the period from 1871 to 1895 is analyzed. The percentage of annual salary and arrears is considered. The article analyzes archival materials containing information about the growth of arrears of peasants in the Mikhailovsky district of Ryazan province on redemption payments, forest tax and insurance payments in the second half of the 19th — early 20th centuries.

Keywords: aids, tax payments, government taxes, fixed salary taxes, redemption money, uncollected taxes, arrears in respect of taxes and levies, peasant assessment, peasant arrears in respect of taxes and levies.

Процесс накопления крестьянских недоимок по налоговым платежам во второй половине XIX — начале XX веков (на примере Михайловского уезда Рязанской губернии)

Во второй половине XIX — начале XX веков Рязанская губерния находилась на десятом месте по общему количеству недоимок по окладным сборам среди всех губерний Российской империи [9, С.

86].

Из оклада всех казенных крестьянских сборов по Рязанской губернии за 1871-1875 годы в количестве 3 миллионов 873 тысяч рублей в государственную казну поступило 3 миллиона 759 тысяч рублей, в недоимках к этому периоду осталось 870 тысяч рублей из которых 114 тысяч рублей приходилось на недоимки только за 1871-1875 годы, что составляло 3 процента от оклада данного периода. В следующей пятилетке, в 1876-1880 годах, из оклада в 4 миллиона 356 тысяч рублей в государственную казну с крестьян Рязанской губернии поступило 4 миллиона 238 тысяч рублей, в недоимках числилось уже 1 миллион 769 тысяч рублей, из которых 118 тысяч рублей являлись недоимками за данные годы, что составляло 2,7 процента оклада. Таким образом, общее количество недоимок за пять лет увеличилось почти в два раза — с 870 тысяч рублей до 1 миллиона 769 тысяч рублей [1, С. 416].

В 1881-1885 годах из оклада в 4 миллиона 159 тысяч рублей в казну поступило 3 миллиона 834 тысячи рублей, в недоимках осталось 1 миллион 672 тысячи рублей, в том числе 325 тысяч рублей недоимок за указанный период, то есть 7,8 процента оклада. За 1886-1890 годы крестьянами Рязанской губернии из оклада в 3 миллиона 160 тысяч рублей было выплачено в государственную казну 3 миллиона 438 тысяч рублей, в недоимках числилось 808 тысяч рублей. Следует обратить внимание на то, что за указанный период в казну поступило на 278 тысяч рублей больше крестьянских налогов, чем было заявлено по окладу, а общее количество недоимок за несколько лет уменьшилось на 864 тысячи рублей, то есть почти на 52 процента. И, наконец, в 1891-1895 годах в казну из оклада в 3 миллиона 119 тысяч рублей поступило крестьянских выплат на сумму 2 миллиона 552 тысячи рублей, недоимки составили 3 миллиона 163 тысячи рублей, из которых 567 тысяч рублей пришлось на недоимки за данные годы [1, С. 417].

Таким образом, за указанные пять лет общее количество крестьянских недоимок по всем казенным сборам выросло на 2 миллиона 355 тысяч рублей, то есть на 74,4 процента. За весь рассмотренный период времени, 1871-1895 годы, крестьянские недоимки по налоговым платежам выросли на 2 миллиона 293 тысячи рублей, то есть на 72,4 процента, при этом только один раз за 25 лет крестьянам удалось превысить оклад и выплатить больше положенного, в остальные годы недоимки только пополнялись.

Если рассматривать процентное соотношение средней годовой недоимки и среднего годового оклада по всем видам крестьянских налоговых платежей государству, получатся следующие данные:

1. 1871-1875 годы — 22,5 процента;
2. 1876-1880 годы — 40,6 процентов;
3. 1881-1885 годы — 40,3 процента;
4. 1886-1890 годы — 25,6 процента;
5. 1891-1895 годы — 101,4 процента [1, С. 419].

Из указанных данных видно, что за последние пять лет количество крестьянских недоимок в процентном соотношении выросло более чем в 4 раза.

За период с 1888 по 1895 год крестьянские недоимки по окладным государственным сборам также росли стремительно. Так, в 1888 году за крестьянами Рязанской губернии числилось 609 тысяч рублей недоимок. В 1889 году недоимки уменьшились на 169 тысяч и составили 440 тысяч рублей, т.е. стали меньше почти на 28 процентов. За 1890 год крестьянских недоимок числилось 443 тысячи рублей, то есть их количество выросло на 3 тысячи — менее чем на полпроцента [1, С. 419].

Однако следующие годы дали куда большие цифры. Так, в 1891 году произошел резкий скачок количества недоимок крестьян по окладным сборам. В этом году сумма недоимок составила

2 миллиона 577 тысяч рублей. За один год произошло увеличение долга крестьян Рязанской губернии на 582 процента, то есть в пять раз.

В 1892 году снова произошел рост недоимок, но уже на меньшую сумму. Их общее количество составило 3 миллиона 264 тысячи рублей, то есть крестьяне задолжали государству за 1892 год еще 687 тысяч рублей, что составляет 21 процент от общего числа.

В течение 1893 года крестьянам удалось ненамного уменьшить сумму своего долга перед казной. Недоимки составили 3 миллиона 47 тысяч рублей. Следовательно, крестьяне за этот год выплатили 217 тысяч своего долга, то есть уменьшили его на 7 процентов.

Согласно отчетным ведомостям за 1894 год недоимки крестьян Рязанской губернии по окладным казенным сборам составили уже 3 миллиона 638 тысяч рублей, что является максимумом за рассматриваемый период. За этот год добавилась 591 тысяча рублей крестьянского долга, что составило 16 процентов. В 1895 году недоимки снизились на 380 тысяч рублей, то есть на 10 процентов, и составили 3 миллиона 258 тысяч рублей [1, С. 420].

Таким образом, в 1888-1895 годах наблюдается постоянный рост недоимок крестьян Рязанской губернии по окладным государственным сборам. Наибольший скачок увеличения крестьянского долга перед государством произошел в 1891 году, когда прирост составил 582 процента, что явилось следствием неурожая 1891 года.

Процентное соотношение недоимок крестьян Рязанской губернии по окладным государственным сборам к общему количеству крестьянских недоимок по всем видам государственных платежей составляет:

1. за 1888 год — 19,5 процентов;
2. за 1889 год — 14,1 процента;
3. за 1890 год — 14,2 процента;
4. за 1891 год — 82,6 процента;
5. за 1892 год — 104,6 процента;
6. за 1893 год — 97,7 процента;
7. за 1894 год — 116,7 процента;
8. за 1895 год — 104,6 процента [1, С. 421].

Таким образом, недоимки по окладным сборам составляли наибольшую часть долга крестьян перед казной, начиная с 1891 года.

Среди рассматриваемого периода следует отдельно выделить 1893 год — первый год после неурожая в Рязанской губернии. Анализ источников о недоимках крестьян по государственным и земским сборам за этот год дает следующие данные:

1. государственные недоимки — 3 миллиона 106 тысяч рублей (91 процент);
2. недоимки по земским сборам — 312 тысяч рублей (9 процентов) [1, С. 421].

Общее количество недоимок по окладным государственным и мирским сборам составило 3 миллиона 418 тысяч рублей, из которых в среднем на душу мужского пола приходилось 3 рубля 72 копейки государственных недоимок и 37 копеек земских недоимок, то есть 4 рубля 9 копеек недоимок в общей сумме. На одну десятину пахатной земли за тот же 1893 год приходилось в среднем 2 рубля 21 копейка государственных недоимок и 22 копейки земских недоимок, что в общей сумме составляло 2 рубля 43 копейки [1, С. 422].

Михайловский уезд, как лидер по недоимкам окладных сборов, в 1863 году имел следующую

ситуацию. Реестр Михайловского уездного казначейства содержит сведения о недоимках по уезду к 1863 году в размере двух полугодовых окладов. Далее следуют фамилии должников с указанием количества числившихся за ними недоимок, среди которых фамилии крестьян: Вирязева Варвара Дмитриевна сельца Митикина — 15 рублей 62,5 копейки, Каблакова Марья Федоровна сельца Кашировка — 4 рубля 43 копейки, Наумов Дмитрий сельца Пелепелкина — 5 рублей 30 копеек, Окрокова Ольга Степановна сельца Пустынки — 1 рубль 47 копеек, Руднева Аграфена Иванова — 10 рублей 23 копейки, Чувиков Фома Степанов села Старого Киркина — 1 рубль 92 копейки, Ярцев Семен Иванов сельца Полянок — 9 рублей 75 копеек, Ярцев Дмитрий Степанов сельца Полянок — 5 рублей 85 копеек. Всего крестьянских недоимок на сумму 54 рубля 57,5 копеек [2, 3-3(об.)].

В ведомостях о недоимках за октябрь и ноябрь 1867 года исполнявшего обязанности Михайловского уездного исправника имеются следующие сведения о недоимках крестьян по окладным сборам. К октябрю 1867 года за крестьянами уезда числилось 67 тысяч 585 рублей 6,5 копейки недоимок. Из этой суммы было внесено лишь 10 тысяч 618 рублей 9,25 копейки. Таким образом, на 1 ноября 1867 года крестьянские недоимки по окладным сборам составили 56 тысяч 966 рублей 97,25 копейки [8, 4(об.)-7].

В ноябре 1867 года крестьяне уезда должны были внести 143 тысячи 800 рублей 58,25 копейки по окладным сборам, однако в казну было выплачено только 44 тысячи 285 рублей 3,25 копейки. Таким образом, на 1 декабря 1867 года крестьяне Михайловского уезда имели недоимок на сумму 99 тысяч 515 рублей 28 копеек [7, 14(об.)-17]. Только за один месяц 1867 года крестьяне Михайловского уезда накопили недоимок по окладным сборам на сумму 42 тысячи 548 рублей 30,75 копейки.

К 1871 году, согласно предписанию Михайловского уездного управления становому приставу первого стана, ряд волостей уезда накопил следующее количество недоимок по окладным сборам: Могильско-Городнищенская волость — 1 тысяча 571 рубль 1 копейка, Печерниковская волость — 6 тысяч 794 рубля 55,5 копейки, Горностаевская волость — 4 тысячи 288 рублей 29,75 копейки, Новопанская волость — 15 тысяч 747 рублей 37,5 копейки. Всего за указанными волостями к 1871 году числилось недоимок по окладным сборам 28 тысяч 401 рубль 23,75 копейки [7, 14(об.)-17].

Как и в других губерниях Российской империи, в Рязанской губернии основными недоимками по окладным сборам являлись недоимки по выкупным платежам. Например, в 1897 году сумма выплат по прямым налогам в Рязанской губернии составила 3 миллиона 143 тысячи рублей, из которых выплаты по выкупным платежам занимали 2 миллиона 897 тысяч рублей (92,1 процента). В этом же 1897 году недоимки по прямым государственным налогам губернии составили 4 миллиона 638 тысяч рублей, из которых на недоимки по выкупным платежам приходилось 4 миллиона 595 тысяч рублей (99,1 процента) [9, 106].

Рост недоимок крестьян Михайловского уезда можно проследить по годам, изучив данные ведомости о выкупных платежах по уезду за 1862-1866 годы.

В 1862 году крестьяне уезда получили ссуды в размере 58 тысяч 830 рублей. По выкупным платежам они должны были внести в казну 15 тысяч 148 рублей 43,5 копейки. Уплачено было 14 тысяч 129 рублей 36 копеек. Таким образом, уже в 1862 году за крестьянами уезда числилось 1 тысяча 69 рублей 7,5 копейки недоимок по выкупным платежам [7, 14(об.)-17].

В 1863 году размер ссуд составил 262 тысячи 629 рублей. Выплаты в казну должны были составить 95 тысяч 696 рублей 31,75 копейки, однако внесено было только 47 тысяч 985 рублей 3,5 копейки. Размер недоимки составил 47 тысяч 711 рублей 28,24 копейки [7, 14(об.)-17].

Среди данных Михайловского уездного казначейства есть ведомость за 1863 год о недоимках по выкупным платежам, которые числились за некоторыми крестьянами уезда. Так к 19 января 1863

года за крестьянами села Пустынки числилось 7 рублей 92 копейки, за крестьянином Кашелевым Иваном Васильевым деревни Перепелкиной — 158 рублей 40 копеек, за крестьянами деревни Дулинки — 82 рубля 80 копеек и за крестьянами сельца Хорошева — 52 рубля 80 копеек. Всего недоимок по выкупным платежам за упомянутыми крестьянами на сумму 301 рубль 92 копейки [7, 14(об.)-17]. Данные ведомости показывают, что иногда недоимки по выкупным платежам одного конкретного крестьянина превосходили недоимки крестьян целого села.

Еще она ведомость Михайловского уездного казначейства за тот же 1863 год показывает количество недоимок крестьян уезда по выкупным платежам за 1862-1863 годы. За крестьянами села Зайчина на 1863 год числилось 229 рублей недоимок, за крестьянами села Пустынки за 1862 год числилось 7 рублей 92,5 копеек недоимок, на 1863 год — 181 рубль 37 копеек, за крестьянами деревни Пряхиной — 640 рублей на 1863 год, за крестьянами деревни Серковой на 1863 год — 504 рубля, за крестьянами деревни Перепелкиной за 1862 год — 158 рублей 40,5 копеек, на 1863 год — 950 рублей 40 копеек, за крестьянами деревни Дугинки за 1862 год — 82 рубля 80 копеек, на 1863 год — 496 рублей 80 копеек, за крестьянами села Афишева за 1862 год — 52 рубля 80 копеек, на 1863 год — 316 рублей 80 копеек, за крестьянами деревни Арсентьевки за 1862 год — 35 рублей 14 копеек, на 1863 год — 210 рублей 85 копеек, с крестьян деревни Плайчино на 1863 год — 421 рубль 89 копеек, с крестьян деревни Рачиной на 1863 год — 316 рублей 80 копеек, с крестьян сельца Наумовка на 1863 год — 336 рублей 60 копеек. Всего крестьянских недоимок по выкупным платежам по означенным селам на 1863 год на сумму 4 тысячи 604 рубля 51 копейка [7, 14(об.)-17].

На 1864 год приведены следующие суммы: количество ссуд — 586 тысяч 222 рубля 24 копейки, начислено выплат по окладу — 87 тысяч 9 рублей 26,25 копейки, из которых в казну было уплачено 81 тысяча 217 рублей 8 копеек. Недоимки по выкупным платежам составили 5 тысяч 792 рубля 18,25 копейки [7, 14(об.)-17].

В 1865 году сумма ссуд, полученных крестьянами уезда, составила 271 тысячу 633 рубля 10 копеек. По выкупным платежам крестьяне должны были заплатить 24 тысячи 772 рубля 4,5 копейки, но выплатили 20 тысяч 527 рублей 59,5 копейки, набрав недоимок на 4 тысячи 244 рубля 45 копеек [7, 14(об.)-17].

Наконец, в 1866 году крестьяне Михайловского уезда получили ссуды в размере 94 тысяч 577 рублей 14 копеек. В казну должно было поступить 2 тысячи 749 рублей 49,25 копейки, но было выплачено менее половины данной суммы — 1224 рубля 96,25 копейки. Недоимки составили 1 тысячу 569 рублей 53 копейки [7, 14(об.)-17].

Таким образом, за 1862-1866 годы Михайловский уезд из 225 тысяч 420 рублей 91,25 копейки внес в казну 164 тысячи 785 рублей 2,25 копейки по выкупным платежам, накопив недоимку в размере 60 тысяч 635 рублей 89 копеек. Самое большое количество недоимок за эти годы было накоплено в 1863 году, то есть уже на следующий год после отмены крепостного права.

Отдельно в ведомостях станового пристава второго стана Михайловского уезда имеются сведения о недоимках по лесному налогу. Так, в мае 1869 года следующие волости уезда имели недоимки по данному налогу: Борисовская волость — 293 рубля 23,5 копейки, Печерниковская волость — 378 рублей 50 копеек, Плахинская волость — 46 рублей 10 копеек, Попадьянская волость — 119 рублей, Козловская волость — 252 рубля 70 копеек, Новопанская волость — 102 рубля 50 копеек, Глебовская волость — 68 рублей, Новорождественская волость — 96 рублей. Всего за указанными волостями числилось недоимок по лесному налогу на сумму 1 тысяча 356 рублей 3,5 копейки [5, 6].

В следующей ведомости снова перечисляются волости Михайловского уезда, имеющие недоимки лесного налога за 1869 год к ноябрю месяца: Попадьянская волость — 119 рублей, Глебовская волость — 68 рублей, Плахинская волость — 46 рублей 10 копеек, Новорождественская

волость — 48 рублей, Новопанская волость — 102 рубля 50 копеек, Печерниковская волость — 220 рублей 75 копеек, Козловская волость — 145 рублей 14,75 копейки, Борисовская волость — 293 рубля 23,5 копейки. Общее количество недоимок составило 1 тысячу 42 рубля 73,25 копейки [4, 8].

Таким образом, с мая 1869 года по ноябрь 1869 года недоимки лесного налога уменьшились в трех из восьми волостях: в Козловской волости недоимки уменьшились на 107 рублей 55,25 копейки (на 42,5 процента), в Новорождественской волости — на 48 рублей (на 50 процентов), в Печерниковской волости — на 157 рублей 75 копеек (на 41,6 процента). Общее количество недоимок по лесному налогу, числившееся за крестьянами Михайловского уезда за 1869 год, уменьшилось на 313 рублей 30,25 копейки.

Вывод о том, что работа по сбору с крестьян недоимок по лесному налогу велась довольно продуктивно, можно сделать, исходя из сведений предписания Рязанского губернского правления полицейским управлениям уездов губернии от 31 декабря 1869 года, в котором сумма недоимок по лесному налогу за крестьянами губернии указана в количестве 26 тысяч 642 рублей 87,5 копейки [10, 10]. Таким образом, размер недоимок лесного налога по Рязанской губернии с октября по декабрь 1869 года уменьшился на 41 тысячу 266 рублей 95,75 копейки, то есть на 60,7 процента.

Что касается Михайловского уезда, то здесь две волости сохраняли недоимки по лесному налогу за 1869 год невыплаченными к июлю 1870 года: Попадьинская волость имела 59 рублей 50 копеек недоимок и Печерниковская волость — 31 рубль 50 копеек недоимок. Всего недоимок по Михайловскому уезду за 1869 год на сумму 91 рубль [10, 10].

Таким образом, не все волости уезда могли выплатить недоимки в срок, несмотря на меры, которые принимали местные органы власти. Часть волостей продолжала сохранять за собой недоимки в течение продолжительного времени.

В документах Михайловского уездного полицейского управления имеются следующие сведения о недоимках крестьян по страховым платежам. В ведомости о недоимках страховых платежей по обязательному страхованию к 1 марта 1873 года волости Михайловского уезда имели следующее количество недоимок: Борисовская волость — 3 рубля 25,25 копейки, Внуковская волость — 18 рублей 79,25 копейки, Галдинская волость — 13 рублей 40,75 копейки, Глебовская волость — 216 рублей 16,5 копейки, Городищенская волость — 197 рублей 64,5 копейки, Жмуровская волость — 18 рублей 89,5 копейки, Зайчинская волость — 47 рублей 87,5 копейки, Зиминская волость — 4 рубля 64,5 копейки, Клинская волость — 510 рублей 63 копейки, Козловская волость — 176 рублей 47 копеек, Коровинская волость — 286 рублей 12,5 копейки, Лужковская волость — 8 рублей 15,25 копейки, Маковская волость — 31 рубль 44,5 копейки, Машковская волость — 131 рубль 77,25 копейки, Митинская волость — 26 рублей 71,25 копейки, Могильско-Городищенская волость — 391 рубль 78 копеек, Молинковская волость — 7 копеек, Новопанская волость — 336 рублей 84 копейки, Новорождественская волость — 60 копеек, Окунковская волость — 59 рублей 40 копеек, Осовская волость — 85 рублей 45,25 копейки, Остроуховская волость — 37 рублей 82,5 копейки, Печерниковская волость — 31 рубль 45 копеек, Плахинская волость — 138 рублей 59,5 копейки, Половневская волость — 35 рублей 29,75 копейки, Попадьинская волость — 82,5 копейки, Поярковская волость — 19 рублей 10 копеек, Прудская волость — 0,5 копейки, Токаревская волость — 7 копеек, Феняевская волость — 12 рублей 5,25 копейки. Всего Михайловский уезд имел недоимок по страховым платежам на 1 марта 1873 года на сумму 2 тысячи 921 рубль 19,75 копейки [6, 2-6].

Таким образом, недоимки по разным видам окладных сборов в Михайловском уезде увеличивались с каждым годом. Некоторым волостям удавалось лишь незначительно снижать свой долг по данному виду платежей, однако задолженность продолжала расти, и крестьяне уезда не справлялись с выплатой сумм, предусмотренных казной и уездными земствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бржеский Н.К. Круговая порука сельских обществ: суждения редакционных комиссий по составлению положений 19 февраля 1861 г. и правительственные взгляды за время с 1861 по 1895 г. — СПб.: типография В. Кишбаума, 1896. 444 с. Режим доступа URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/46613-brzheskiy-n-k-krugovaya-poruka-selskih-obschestv-suzhdeniya-redaktsionnyh-komissiy-po-sostavleniyu-polozheniy-19-fevralya-1861-g-i-pravitelstvennye-vzglyady-za-vremya-s-1861-po-1895-g-spb-1896#mode/inspect/page/129/zoom/4> (дата обращения: 01.06.2021).
2. Ведомость Михайловского уездного казначейства недоимки двух полугодовых окладов временнообязанных крестьян // Государственный архив Рязанской области. Ф. 1298. Оп. 1. Д. 64. Л. 3-3(об.).
3. Ведомость Михайловского уездного казначейства о выкупных платежах с временнообязанных крестьян Михайловского уезда // Государственный архив Рязанской области. Ф. 1298. Оп. 1. Д. 68. Л. 2-2(об.).
4. Ведомость о лесном налоге, оставшемся в недоборе к окладу 1869 года // Государственный архив Рязанской области. Ф. 1298. Оп. 1. Д. 221. Л. 8.
5. Ведомость о лесном налоге, следующем в 1869 году с крестьян Михайловского уезда // Государственный архив Рязанской области. Ф. 1298. Оп. 1. Д. 221. Л. 6.
6. Ведомость о недоимках страховых платежей по обязательному страхованию оставшихся к 1 марта 1873 года по Михайловскому уезду // Государственный архив Рязанской области. Ф. 1298. Оп. 1. Д. 354. Л. 2-6.
7. Выписка о недоимках за ноябрь месяц 1867 года по Михайловскому уезду // Государственный архив Рязанской области. Ф. 1298. Оп. 1. Д. 197. Л. 14(об.)-17.
8. Выписка о недоимках за октябрь месяц 1867 года по Михайловскому уезду // Государственный архив Рязанской области. Ф. 1298. Оп. 1. Д. 197. Л. 4(об.)-7.
9. Давыдов М.А. Земля и подать в пореформенной России: зависели ли платежи и недоимки от площади крестьянских наделов? // Экономическая история: ежегодник. М.: Институт Российской истории РАН, 2016. С. 83-151. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28795863> (дата обращения: 01.06.2021).
10. Предписание Рязанского Губернского Управления Государственными Имуществами Михайловскому уездному Полицейскому управлению об успешном взыскании лесной подати // Государственный архив Рязанской области. Ф. 1298. Оп. 1. Д. 221. Л. 10.

Особенности мотивации сотрудников МЧС России

Платунова С.С.

Сечко А.В.

Соавтор: кандидат психологических наук, доцент

Московский государственный
психолого-педагогический университет
Факультет «Экстремальная психология»
Кафедра научных основ экстремальной психологии

Профессиональная деятельность сотрудников МЧС России протекает в экстремальных условиях, связанных с ликвидацией пожаров, и характеризуется воздействием значительного числа стрессогенных факторов. Это предъявляет повышенные требования к психологическим качествам личности, среди которых одно из ведущих мест занимает профессиональная мотивация.

Проблема профессиональной мотивации сотрудников является профессионально значимой для МЧС России, от нее зависит не только эффективность деятельности сотрудников, но и спасение жизни пострадавших. Оценка и формирование профессиональной мотивации относятся к числу приоритетных задач профотбора, профессиональной, психологической и оперативно-технической подготовки сотрудников МЧС России.

Социально-экономические преобразования в России, возникновение новых рыночных отношений обусловили значительные изменения в сознании, психике

Мотивационной сфере личности значительной части россиян. Эти изменения неизбежно отразились на сотрудниках всех силовых ведомств, в том числе сотрудниках МЧС России.

Несмотря на определенную проработанность теоретических вопросов мотивации профессиональной деятельности, а также наличие ряда прикладных исследований профессионализма в системе МЧС России, мотивационные особенности личности сотрудников МЧС России практически не изучены.

В связи с этим значительный научный и, особенно, практический интерес представляет изучение особенностей профессиональной направленности и ведущих профессиональных мотивов у сотрудников МЧС с различным стажем работы и успешностью профессиональной деятельности.

Важным для психологии труда, психологии пожарной безопасности и недостаточно изученными являются вопросы о карьерных ориентациях и индивидуально-психологических особенностях личности сотрудников с различным уровнем профессиональной мотивации, информативности стандартизированных психодиагностических тестов для прогнозирования уровня профессиональной мотивации сотрудников МЧС России.

Для заметок: